

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2004

Содержание

1. МЕДИТАЦИЯ
2. ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА
3. ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ
4. ДЕКАН, МЫ БЕРЕЖЕМ НАКАЗ ТВОЙ
5. ЧЕСЛАВ МИЛОШ УШЕЛ — ЕГО ПОЭЗИЯ ПЕРЕЖИВЕТ НАС
6. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ
7. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
8. СВИДЕТЕЛИ ЭПОХИ
9. АД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Юлия Хартвиг

МЕДИТАЦИЯ

Не были мы ни достойны ни слишком самоуверенны
чтобы браться за темы превосходившие нас
Он должно быть об этом знал раз побуждал к простоте
и даже предупреждал с насмешкой не прыгать выше головы
и не заглядывать божеству за шиворот
Но предупреждал впустую
ибо гордыней были сами занятия искусством
Сколько сумел он сказать о себе дурного
не наболтал ни один из его малолетних гонителей
О вере говорил он смело
ощущал себя манихеем, но остался при правой вере
хоть его не оставляли сомнения
Правда — как сам он заметил — ум его был коварным
Дано ему было больше других и он это знал
Бывало за это его ненавидели
бывало смотрели попросту косо — порицая
Недоучки поучали его
Кое-кто пытался с убеждением или без
передвинуть его в конец списка
Как других так и его не миновала несправедливость
Быть обожаемым или отвергнутым
этот путь он сам выбрал
Никогда посередине

Бывало он сравнивал себя с Иовом
но глядевшие со стороны
видели только что ему везет
словно подписал соглашение с чертом
ибо слава его объяла два континента
и он занял высокое место в поэтической башне

А он отлично знал
что самого главного не знает
и знать не может

Он хотел показать реальное и показал
Но над этой реальностью возносилось всегда
неотгадываемое пространство
как воздвигнутая над геенной долина счастья
Прежде чем настал назначенный срок
ему открылось чем будут старость и угасание
Город неохотно и медля
отдавал свои крепости и корабли

Болезнь Чеслава Милоша уже целые месяцы наполняла нас тревогой. Но его борьба со временем, союзником в которой служила ему великолепная память, заставляла нас приписывать Милошу некую нескончаемую длительность. Лишь последние вести о слабеющей жизненной силе поэта позволили нам осознать, что постепенно надо с ним прощаться.

Стихотворение «Медитация» было написано до 14 августа и представляет собой своего рода запись интенсивных мыслей о нем, все еще с надеждой на личную встречу. — Ю.Х.

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Лет семь назад Александр Фьют, один из самых пристальных исследователей творчества Чеслава Милоша, писал — на примере одной книги, но это можно распространить и на другие — о роли личной, индивидуальной биографии Милоша как материала его поэзии: «Ее [биографию поэта] можно воспринимать как поразительный и ощутимый урок случайности человеческой судьбы, урок, который дала в XX веке история одному из жителей Центральной Европы.

Одновременно это с трудом постижимая сумма опыта, наблюдений, мыслей, воспоминаний, составляющая любую отдельную жизнь, которая в данном случае охватывает почти целую эпоху».

Сейчас, когда эта жизнь закончилась, я убрала бы «почти»: она действительно охватила целую эпоху, начавшись накануне «настоящего двадцатого века» и закончившись уже в XXI м, в первые годы новой эпохи (начало которой мы можем отсчитывать от 11 сентября 2001 го). А кроме того я сказала бы, что Милош — весь: и жизнь, и творчество — не столько «охватил», сколько вместил всю эту эпоху, вобрал ее в себя, стал своей эпохой, со всеми ее историческими, социальными, культурными зигзагами. Не скажу: со всеми заблуждениями — не со всеми, но на свои и чужие заблуждения XX века Милош смотрел равно проницательно и зорко, равно безжалостно.

Рецензируя в 1990 г. в «Континенте» книгу прозы (если угодно, сборник эссе) Милоша «Год охотника», я отмечала, что автор говорит в ней вещи, которые могут «вызвать возмущение польских националистов, даже в том благородном случае, когда они называются просто патриотами», — например, напоминает, что Западные земли (или, как они назывались в ПНР, Обретенные земли) были получены в подарок от Сталина, подарок, предназначенный, разумеется, не кому иному (не свободно избранному парламенту, например), а коммунистическому режиму. «Национализмы моей части Европы весьма патологичны, — писал Милош в этой книге. — Я не могу доверять мысли, порожденной унижением и попытками побежденных найти утешение».

Но, жестко оценивая настоящее своей страны, Милош не идеализировал и ее прошлое. В конце 90 х он выпустил книгу «Экспедиция в Двадцатилетие» (имеется в виду межвоенное

двадцатилетие, счастливые годы польской независимости после полутора веков жизни под гнетом трех держав-захватчиц). Польский критик Хелена Заборская, рецензируя книгу, пишет: «...свежеобретенная свобода оказалась грузом, который трудно было нести людям, имевшим боевой опыт, но не умевшим управлять современным государством. (...) Грезившаяся целым поколениям “заря свободы” преобразалась в зарева все новых войн и погромов. Мы предпочитаем об этом не помнить, но Милош в своей книге неуступчив, он напоминает самые щекотливые, жестокие, глупые дела. Он не говорит с нами осторожно и умильно. И никакого утешения не доставит нам тот факт, что сегодняшние затруднения со свободой напоминают былые поражения».

Да, Милош и с годами не стал «осторожнее и умильнее», говоря со своими соотечественниками, и если говорить о милошевском уроке, то такой разговор может принести пользу не только «жителям Центральной Европы».

Есть ли у нас русский Милош?

Милош сегодня в России известен — и неизвестен. Первой книгой Милоша по-русски был «Поэтический трактат» в моем переводе и с моими примечаниями, изданный в «Ардисе» (Анн-Арбор) в 1982 году. В 1993 г. в издательстве «Вахазар» вышел сборник «Так мало и другие стихотворения», включивший стихи начиная с 30-х годов. Милошу вместе с Томасом Венцловой было посвящено «досье» в «Старом литературном обозрении» (2001, №1), там же приведена его библиография, включающая переводы на русский. На первый взгляд, она выглядит внушительно, хотя сегодня к ней надо прибавить хотя бы переводы Британишского из вышедшей в 2002 г. его и Натальи Астафьевой антологии польской поэзии, его же перевод знаменитой книги «Порабощенный разум», изданный годом позже (точнее, впрочем, как мы уже не раз отмечали, было бы перевести «Порабощенный ум»), и еще ряд публикаций 2000-х. И все-таки в сравнении с объемом написанного Милошем — «так мало»! Увы, осмелюсь сказать, что Милош по-русски существует только в самом первом приближении.

Милош много писал в последние годы — и на девятом, и на десятом десятке лет. 14 августа подвело черту под его творчеством. Русским издателям и переводчикам пора обратиться к нему пошире и поглубже — и к книгам его стихов, от первых до последних, и к книгам его эссе (которые опять-таки собираются в книгу не случайно, а по-русски пока

существуют лишь в распыленном виде), и к его замечательной повести о детстве среди дикой литовской природы «Долина Иссы», и к тому, что написано о Милоше его соотечественниками. Может быть, тогда мы воистину оценим совсем особый дар Чеслава Милоша, его совсем особую погоню за реальностью.

«...в конечном счете я бы сказал, что цель, которую я преследую, — это реальность. Погоня за реальностью», — ответил Милош на вопрос Бродского, чего он стремится «достичь в поэзии, в литературном творчестве». Немодный ответ. Сегодня — особенно немодный. Но очень нужный — то есть очень нужно то, что за ним стоит, та реальность, за которой гонится, которую нагоняет Чеслав Милош в своих стихах, прозе, эссе и многочисленных промежуточных формах, выходящих за пределы собственно прозы и собственно стихов.

Особый поэт

Рецензенты и критики очередных книг Чеслава Милоша как будто никак не могут привыкнуть к форме его стихов. Кого ни возьмешь — у каждого в тех или иных словах встретишь удивление: какая необычайная, ни на что не похожая книга! Да и верно: друг на друга они тоже непохожи, так что привыкнуть не удастся. И кто ни примется за исследование поэтики Милоша, обязательно отметит, что поэт выходит за пределы стиха и прозы — или, в других терминах, стирает границу между ними. На примере публикуемых в этом номере журнала переводов из книги «Хроники» вы лишь отчасти, но все-таки увидите эту его особенность, точнее говоря особость.

Все его творчество — особая, отдельная, не «общая» тетрадь. Но душа человеческая (в данном случае читательская) — тоже дело особое, и только на подлинно особое она откликается. Можно вспомнить портреты поэтов в «Поэтическом трактате»: сам Милош видит их — и несколькими строчками о каждом передает нам свое восприятие — как поэтов особых, отдельных, как крайне разноголосые инструменты оркестра польской поэзии. Так и Милоша мы видим, слышим, читаем как особый инструмент — огромного, впрочем, диапазона, органного что ли...

Мой Милош

Без воспоминаний о встречах, знакомстве, дружеских отношениях сегодня тоже, конечно, не обойтись. Впрочем, знакомство знакомством, а сначала мы встретились заочно. В 1973 г. я получила в Москве дошедший из Калифорнии том

«Стихи» (Лондон, 1967). С 1953 г. все новые сборники стихов Милоша (как и его проза, и эссе, и переводы) выходили в «Институте литеацком», книжном издательстве парижской «Культуры». Но, конечно, Милош предпочел не отправлять через границу, даже с оказией, одно из этих подрывных изданий. На книге надпись: «Коллеге [по-польски слово женского рода — «колежанке»] Горбаневской с дружбой. 20.II.73. Чеслав Милош».

Вживе мы с Милошем встретились в сентябре 1976 г., на организованной парижскими поляками и венграми конференции «1956 — 1976», в которой участвовали и французы, и выходцы из других, кроме Польши и Венгрии, стран Центральной и Восточной Европы, включая и автора этих строк (с докладом «Самиздат — школа свободы»). И встречались после этого многократно, чаще всего на вечерах Милоша, которые устраивал парижский религиозный «Центр диалога» во главе с незабвенным отцом Юзефом Садиком, тем самым, который побудил Милоша переводить Библию (об этом Милош пишет, в частности, в своей статье «Над переводом Книги Иова» — см. «Континент» №29, 1981).

Особенно интенсивным стало наше общение, когда я переводила «Поэтический трактат». Всё новые и новые получерновые редакции перевода я отправляла в Беркли и получала подробные замечания, после чего правила текст и снова отправляла. Перевод еще не был закончен, когда мы встретились, но не в Париже и не в Беркли, а в Гарварде. Осенью 1981 г. Милош проводил там семестр, во время которого прочел ставшие потом знаменитыми «Шесть лекций о поэзии» (кстати, в той же книге «Хроники» есть аналог им, но написанный стихами — особыми милошевскими стихами). А меня, оказавшуюся в США, пригласили прочесть лекцию — о чем бы вы думали? — ну конечно, о том же самиздате. И Милош пришел на мою лекцию! Нобелевский лауреат был моим слушателем, а я — прямо как его профессором. Вот раздувалась от гордости — и смущения. А после лекции я собралась показывать Милошу перевод, заново исправленный по советам Бродского. Тогда-то Милош и сказал мне: «После Иосифа могу больше не смотреть».

Я долго не решалась переводить Милоша: тот же «Поэтический трактат», на который я страшно завелась еще в Москве, казался мне неперевоодимым. После Нобелевской премии Владимир Максимов потребовал от меня стихов Милоша — я перевела «Особую тетрадь: Звезду Полынь» (да еще несколько стихотворений для «Вестника РХД») и уверовала в собственные

силы. Тогда и взялась за «Трактат». Перевод все еще не был окончен, а Милош, как мне передавали со всех сторон, уже хвалил его американским студентам.

Последний раз мы виделись в октябре 1997 г. в Кракове, на международном фестивале поэтов «Восток — Запад». Сохранилась групповая фотография, где я стою рядом с Милошем, далеко не доставая ему до плеча. Где-то с другого края стоит Томас Венцлова. Очень хорошо было видеть вместе Чеслава Милоша и старого моего друга Томаса (Томаша, как по-польски звал его Милош): поляк и литовец, но оба «литвины», и чем-то, не только ростом, ужасно схожие. Зато никогда я не видела Милоша с Бродским (не совпало: в Париж из Америки они приезжали в разное время, а когда я виделась с Иосифом в Нью-Йорке, Милош был или в Беркли, или, как в тот раз, в Гарварде, или даже, такое однажды случилось, в Париже), Милоша с Гедройцем (главный редактор «Культуры» любил принимать гостей по отдельности).

Думаю, что об отношениях Чеслава Милоша с Ежи Гедройцем еще напишут люди, знающие дело лучше меня, тем более что уже изданы тома переписки, проливающей свет на их не всегда простые, но очень важные для обоих отношения. Хочу только напомнить, что когда Милош стал эмигрантом, то первым — и долгое время едва ли не единственным, — кто протянул ему руку помощи, был Ежи Гедройц. Лондонские круги польской эмиграции смотрели на вчерашнего дипломата ПНР, мягко говоря, с недоверием, а чаще — с прямой враждебностью. Милош стал печататься в «Культуре», выпускать книги в ее издательстве. В 1980 г. у Гедройца было два великих праздника: одним было создание «Солидарности», подготовленное поколением, которое называло себя возвращенным на парижской «Культуре», а затем последовала Нобелевская премия Милошу. В декабре Милош приехал из Стокгольма прямо в Париж. «Институт литерацкий» переиздал все его прежние книги, и на вечере Милоша (цитирую сама себя) «я видела, как читатели расхватывали эти свежевypуcкeннeыe томики в привычной серенькой обложке, только с красной полоской на уголке: “Нобелевская премия, 1980”».

* * *

Чтобы вернуться от «моего» Милоша к Милошу как таковому, закончу цитатой из Витольда Гомбровича. Как легко догадаться, Гомбрович, скончавшийся в 1969 г., сказал эти слова, когда присуждение Чеславу Милошу Нобелевской премии никому еще и во сне не снилось.

«Это писатель с ясно очерченной задачей, призванный ускорить наш темп, чтобы мы поспевали за эпохой, — притом с великолепным талантом, замечательно приспособленный к выполнению этих своих предназначений. Он обладает чем-то на вес золота, что я назвал бы “волей к реальности”, и в то же время — ощущением болезненных точек нашего кризиса. Он принадлежит к немногим, чьи слова имеют значение...»

ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ

Не могу осознать случившееся.

Умер Чеслав Милош.

Мир осиротел. Это не пустая фраза.

Милош всегда был польским поэтом, но он был и остается поэтом не только для Польши. Милош — поэт для всего мира.

Впервые я прочитал стихи Чеслава Милоша в 1985 г. в московской Библиотеке иностранной литературы. Тогда я не мог даже помыслить, что спустя годы буду одарен необыкновенно теплыми дружескими отношениями и (страшно сказать) совместной работой с великим поэтом.

Непостижимая благосклонность судьбы: 20 июля 2000 г. мне довелось впервые переступить порог квартиры поэта на тихой улочке Богуславского в Кракове. Место это вскоре стало для меня центром мира и мироздания. В общении Милош оказался обаятельным, ироничным, всем интересующимся человеком и ни тогда, ни позднее не давал почувствовать дистанцию, все же разделявшую нас, великого поэта и физика, преподающего теоретическую механику в далеком Новосибирске, хотя и влюбленного издавна в польский язык и литературу.

Несколько месяцев спустя, получив свежеизданный в Кракове том стихотворений Милоша «Это», поразивший меня необыкновенной глубиной мысли, сосредоточенной на самых важных вопросах бытия, я стал переводить стихи для себя, считая это лучшим способом для внимательного чтения поэзии на иностранном языке и желая поделиться этим богатством с другими. Во время следующего визита в 2001 г. я прочитал свои переводы пану Чеславу. Они ему понравились, и с его легкой руки появилась первая публикация этих переводов в «Новой Польше». Но я и предположить не мог, что через год с небольшим удостоюсь высокой чести оказаться под одной с ним обложкой в многоязычном издании поэмы «Орфей и Эвридика», а еще год спустя в Москве выйдет в двуязычном издании одобренный поэтом полный перевод его сборника «Это».

Наше сотрудничество обычно выглядело так: сперва я отправлял свои переводы по электронной почте, Милош читал их, делал замечания, которые я старался учесть, затем во время очередного визита в Краков читал эти переводы поэту. Эти минуты, часы, проведенные в беседах с ним, были истинным счастьем, а высшей наградой бывал громкий радостный смех, которым Милош встречал особо понравившиеся ему переводы. В нем до конца оставалось что-то детское. Вспоминаю, с каким живым интересом Милош воспринял мой рассказ о том, как я переводил «Теологический трактат» во время командировки на дальний Север, в Якутск, где температура «за бортом» не поднималась выше – 45 градусов.

Как внимательно умел слушать пан Чеслав! Вспоминаю стихотворение «В городе», концовка которого звучит так:

Gdyby tak było naprawdę. Ale wywiało mnie
Za morza i oceany. Żegnaj, utracony losie.
Żegnaj, miasto mego bólu. Żegnajcie, żegnajcie.

В моем переводе было:

Если б так было и впрямь. Но унесло меня
За моря-океаны. Прощай, утраченная судьба.
Прощай, город боли моей. Прощайте, прощайте.

В этом месте пан Чеслав спросил: «А зачем вы здесь использовали инверсию “боли моей”? У меня ведь и без того звучит достаточно патетически». И потребовал изменить на менее гладко звучащее по-русски «город моей боли». Таких моментов было множество, когда поэт требовал сохранять смысл, иногда даже ценой нарушения стилистической гладкости перевода, неточной рифмы или вообще ее отсутствия. Это было для него принципиально важно.

Мы говорили по-польски, иногда по-русски, на языке, который Милош прекрасно знал и любил. Именно звучание его стихов на русском так нравилось поэту, что он отметил это и в дарственной надписи на томе «То — Это»: «Анатолию Ройтману — чьи переводы я слушаю, сожалея, что не пишу по-русски». Он любил слушать, как звучат его стихи на русском, и всегда радовался этому.

Судьба предоставила мне еще одну невероятную возможность порадовать поэта таким чтением. Несколько дней тому назад в

телефонном разговоре с невесткой Милоша Иоанной я упомянул, что на этот раз привез в Краков переводы некоторых стихотворений из поэмы «Мир».

Наутро звонок от Иоанны: «Чеслав хочет, чтобы ты пришел к нему».

Через час я — на улице Богуславского. Пан Чеслав чувствовал себя лучше, чем во время моего прихода к нему несколькими неделями раньше. Я спросил, хочет ли он послушать стихи из поэмы «Мир». Получив согласие, прочитал несколько стихотворений. Поэт слушал, улыбаясь. Я подумал, что на громкий смех ему уже не хватает сил. Было это за три дня до его кончины, 11 августа 2004 года.

Мне трудно смириться с мыслью, что это было прощание. И что эти мои пробы перевода замечательной поэмы, которую сам поэт считал своим высшим достижением, были последними поэтическими строчками, которые он слышал на этой земле. Но, может быть, хорошо и глубоко символично, что это были именно эти стихи.

Мировая культура понесла невосполнимую утрату — ушел из жизни крупнейший поэт современности. Я же, сознавая это и прощаясь сегодня с «мастером побежденного отчаяния», скорблю об утрате очень близкого мне человека.

Адам Михник

ДЕКАН, МЫ БЕРЕЖЕМ НАКАЗ ТВОЙ

Последний раз встречаются с Чеславом Милошем его друзья. Вся его жизнь была борением с проклятиями XX века. Мы внимательнейшим образом слушали твои признания из памятного стихотворения «Джонатану Свифту», где ты писал:

Ход жизни преломился с болью

На звенья разного металла,

И сердце напилось солью,

Но пустоты не испытало.

С людьми делась посильной лептой

И бешенством живых хотений,

Я взгляд сберег от черной ленты

Непостижимых ослеплений.

Многие из нас — и в этом надо честно признаться над твоей могилой — не сберегли взгляда от ленты непостижимых ослеплений. И многие из нас — благодаря тебе — эту ленту с глаз сорвали. Ты верно передавал нам, Чеслав, секреты своего века. Ты говорил нам, что нельзя оскорблять человека простого, объяснял запутанную историю поработанного ума, рассказывал о настоящих судьбах нашей семейной Европы. Благодаря тебе мы вникли в таинственную историю Великого Княжества Литовского, этой чудесной и неповторимой польско-литовско-белорусско-еврейской мешанины, которая обогащала польскую культуру и всю культуру этой части Европы. Познанием произведений Симоны Вейль, переписки Томаса Мертона и, наконец, необыкновенной польской Псалтирю ты привил нам истину о глубине и мудрости католической религии. Благодаря тебе поколение гуляк и маловеров из земли Ульро вновь обратилось к Книге Книг — Священному Писанию.

И в то же время ты так проницательно наблюдал мудрых и сильных мира сего. Ты предостерегал их, что дело и слово будут

запечатлены. Ты писал:

Принц, отраженный зеркалами,
Чуть свистнет — и поэты в сборе.
Прогнули задницы рядами
И виги перед ним, и тори.
Правители всегда неправы,
Решив, что слава их — навеки.
Один щелчок — и прочь из славы
Лететь им в пекло картотеки.

В самом деле — ты безошибочно почувствовал, что такое пекло картотеки. То пекло, которое поглотило миллионы человеческих жизней, по сей день заражает своим отравляющим ядом толпы больных подозрительностью любителей гэбэшных рапортов — этой специфической порнографии нашей эпохи.

Ты обращался к Свифту со словами:

И полночь с плачущей совою
Над домиком в глуши ирландской
Прочней, чем лавр над головою
Владыки с мраморной гримасой.

И ты выбрал свой дом «с плачущей совою», свою медвежью берлогу в Калифорнии, откуда писал нам письма, полные боли и ужаса — но в то же время насыщенные мудростью сердца, преисполненные веры, надежды и любви.

Чеслав! Ты даровал Польше то, что ценнее всего: истину о нас самих и смирение перед ценностями, самыми настоящими — из Деяний и Нагорной проповеди. Даровал ты Польше и непокорную отвагу перед будущими обстоятельствами, которые готовит нам история, спущенная с цепи. История Освенцима и Катыни, история Катастрофы и ГУЛАГа, история антисемитизма и уничтожения классового врага при коммунистическом тоталитарном строе.

Эта история не жалела для тебя ударов и унижений. Не было, наверное, другого польского писателя, над которым польские мракобесы всех политических окрасок измывались так жестоко и подло. Однако ты всегда знал, что существует другая Польша — та, которая тобой восхищается и любит тебя, которая ждет каждого твоего стихотворения, каждой твоей книги. Тебя называли отступником, предателем, дезертиром. Тебе, искуснику польского языка, отказывали в праве называться польским писателем. И это оскорбление стало оскорблением всей польской национальной культуры.

Ты писал в стихотворении «Припоминание»:

Скажи мне, как измерить
Дел наших смысл и норы:
Богатствами ль на пристанях,
Ценою договоров?
Иль что ни день гасимым
Светильником надеи,
Что нации на лучшие
И худшие не делит?

(Пер. Н.Горбаневской)

Закончу твоими словами, которыми ты говорил с Джонатаном Свифтом:

Звучит в сегодня обращенный
Твой голос: дела тьма на свете.
Кто мнит историю свершенной,
Достоин безоружной смерти.
Отваги, сын! Тяни за нитки
По мелководью флот потешный.
На муравьиные ошибки
Да грянет с неба град крошечный.
Покуда есть земля под небом,

Ищи причалы новых странствий.

Вне этого прощенья нет нам.

Декан, я берегу наказ твой.

Чеслав, наш добрый, умный, любимый декан, мы бережем
наказ твой...

ЧЕСЛАВ МИЛОШ УШЕЛ — ЕГО ПОЭЗИЯ ПЕРЕЖИВЕТ НАС

- «Умер Чеслав Милош, самый выдающийся польский поэт современности, лауреат Нобелевской премии 1980 года, автор слов, выбитых на [гданьском] памятнике судостроителям, погибшим в декабре 1970 го: “Ты, оскорбив человека простого...” Чеславу Милошу было 93 года». («Жечпосполита», 16 авг.)
- «Мировая и литовская литература потеряла единственного лауреата Нобелевской премии, родившегося и выросшего в Литве», — так начинается статья о смерти Чеслава Милоша, напечатанная в крупнейшей литовской газете «Лиетувос ритас». (Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 17 авг.)
- Александр Фьют, один из крупнейших специалистов по творчеству Милоша: «Польская культура и литература потеряли гениального, величайшего поэта, который, по моему убеждению, масштабом таланта, художественным совершенством и глубиной мысли превосходит даже наших великих национальных поэтов». («Тыгодник повшехный», 22 авг.)
- Лешек Колаковский: «Милош был самым выдающимся польским поэтом XX века (...) Он не играл словами — он был поэтом, чья мысль непрестанно возвращалась к основополагающим для нашей жизни вопросам: о Боге и вере, о разуме и любви, о народе, — к вопросам почти неразрешимым». («Газета wyborcza», 16 авг.)
- Адам Загаевский, поэт, писатель, критик: «Милош был необыкновенным мыслителем, человеком исключительной ясности ума. Эта феноменальная проницательность сочеталась у него с чистым даром языка. Милош превосходно умел это использовать. Впрочем, он и сам чувствовал свою силу. Он знал, что не подвержен влияниям и течениям, которые он умел охватить мыслью и понять». («Жечпосполита», 16 авг.)
- «Старый Милош — это (...) подземный лабиринт памяти, выдолбленный в огромной скале его жизни. Перед нами и для нас возникали картины мира, который исторически был нам уже недоступен (...) Теперь, когда я узнала, что его больше нет,

он кажется мне человеком, приносившим нам вести издалека — из прошлого, с которым мы потеряли связь и которое было утрачено еще во времена его молодости». (Эва Беньковская, «Тыгодник повшехный», 22 авг.)

• Мария Янион: «Его стихи и эссе — это своего рода энциклопедия минувшего века. Если бы ко всему его богатому творчеству составить предметный указатель, оказалось бы, что он не обошел молчанием ни одной важной темы в философии, религии, литературе (...) Я всегда мечтала написать о нем трактат под старомодным названием “Чеслав Милош и веяния эпохи”. Это отразило бы его неповторимую в Польше роль поэта — кормчего гонимой ветрами ладьи. Быть может, с его смертью эра таких поэтов закончится». («Тыгодник повшехный», 22 авг.)

• Ежи Ильг, издатель, публицист, литературный критик: «Невероятное трудолюбие. Долгая жизнь, полная кропотливого труда. Ни одной потерянной минуты. Десять тысяч страниц, исписанных мелким почерком, книги, не вмещающиеся на самую длинную полку. Континент Милош. Многолетнее одиночество вдали от читателей и литературной жизни. Решимость писать стихи по-польски. Уверенность, что на далеком калифорнийском побережье это все равно что складывать их в дупло дерева». («Тыгодник повшехный», 22 авг.)

• «Как пишет газета “Монд”, уже один “Порабощенный ум” дает нам право называть польского писателя “одним из величайших нравственных авторитетов своей эпохи”». (Гжегож Добецкий, «Жечпосполита», 17 авг.)

• «Похоже, что смерть Милоша, который был всесторонним писателем — поэтом, прозаиком, эссеистом, переводчиком, а также мыслителем и наставником молодежи, автором великих [философских] синтезов и бесчисленных писем, — закрывает эпоху художников-титанов, художников, чье имя стало нарицательным, играющих в хаосе мира роль мудрецов, пророков, точек отсчета. В минувшем веке такие люди были — хотя в основном в первой половине. Сейчас трудно было бы назвать кого-нибудь подобного». (Антоний Либера, «Газета польска», 18 авг.)

• Анджей Вайда: «Он принадлежит к числу тех великих и прекрасных творцов XX и XXI веков, которые преображали действительность. Прощаясь с нами и уходя, он покидает времена, сильно отличающиеся от тех, которые застал он сам,

ибо, будучи их сопричастником, он преобразил их — и своей поэзией, и своей деятельностью». («Газета wyborcza», 16 авг.)

• Томас Венцлова: «В XX столетии Милош стал для польской поэзии и культуры тем, чем в XIX м был Адам Мицкевич. Удивительно повторение судеб двух великих поляков. Оба называли своей отчизной Литву и считали себя литвинами — в прежнем смысле этого слова, связанном с принадлежностью к былому Великому Княжеству (...) Оба — Мицкевич и Милош — были изгнанниками, оба снискали мировую славу еще при жизни, оба внесли огромный вклад в освобождение двух народов бывшей Речи Посполитой от оков деспотических режимов (...) Историческое примирение Литвы и Польши после тяжелых испытаний XX века было бы невообразимо без Милоша. Я бы сказал, что именно Милош, величайший поэт “города без имени” — Вильнюса, решил виленский вопрос: политики пошли по тропе, протоптанной им и весьма немногочисленными поначалу людьми, мыслящими так же, как он (...) Теперь, как никогда прежде, мы видим, что он стоит в одном ряду с лучшими людьми XX века. Их трое или четверо — кроме Милоша это Элиот, Кавафис, Мандельштам». («Тыгодник повсехный», 22 авг.)

• Рышард Крыницкий, поэт, переводчик, издатель: «Он был одним из величайших поэтов этого страшного, но порой прекрасного столетия — наряду с Рильке, Цветаевой, Целаном, Элиотом, Оденем, Амихаем и Хербертом (...) Умер поэт, который умел выразить самый тяжелый опыт этого века и не боялся коснуться самой ужасной, самой болезненной и запутанной темы — Катастрофы». («Жечпосполита», 16 авг.)

• «Поэт отличался тонкой религиозно-нравственной восприимчивостью, которая позволяла ему искать ответы на важнейшие вопросы человека XX столетия. Продолжает ли Бог оставаться Господом истории в век Освенцима и Колымы?» (Лукаш Тишнер, «Тыгодник повсехный», 22 авг.)

• Адам Загаевский: «Он соединял в себе противоположности, писал о боли и красоте, пытался постичь зло». («Тыгодник повсехный», 22 авг.)

• Стефан Хвин: «Он не был любимым поэтом поляков. В Польше его мысль была малоизвестна и остается таковой до сих пор — может быть, как раз потому, что она была сурова, трудна и — ничего не подделаешь — высокомерна. Его политические взгляды отличались от взглядов большинства из нас. Он не выносил т.н. национальной мысли, не любил национал-демократической разновидности католицизма. Он чувствовал,

что “национальный дух” ему чужд, и открыто писал об этом (...) Он был уверен, что наблюдает конец цивилизации, в которой рос и воспитывался (...) Катастрофа была для него потрясением (...) Для нас Катастрофа, истребление миллиона человек в Руанде и Камбодже, этнические чистки на Балканах или уничтожение тысяч иракских солдат в пустынях под Багдадом — это “дело обычное”, то, из чего состоит мир (...) Для него противоречие красоты и жестокости было источником непрестанной тревоги (...) Мы при вести об этнической резне в Африке уже не пишем таких стихов, как “Кампо ди Фьори” (...) Он носил в себе незаживающую рану, прекрасный след которой остался в его стихах (...) Когда я разговаривал с ним о его поэме “Мир. Наивные стихи”, он сказал: “Какие там вера, надежда и любовь! Это все ирония. Я ведь это писал, когда горело гетто, а теперь дети в школе учат это наизусть”». («Жечпосполита», 21–22 авг.)

- «В конце жизни он заметил, что важнее искусства — доброта. Но, с другой стороны, будучи человеком, полным противоречий, он признавал ценность искусства. Историю искусства он воспринимал как кирпичики, из которых художники возводят здание цивилизации. У него было манихейское ощущение постоянного присутствия зла в мире (...) О заглавном стихотворении сборника “Это” он сказал: “Разные вещи я писал и говорил, но за всем этим всегда стоял трепет”». (Катажина Яновская, «Политика», 21 авг.)

- Бригитта Тротциг, член Шведской Академии: «И все-таки из мира насилия и темноты вышли свидетели жизни, свидетели того, что такое история и жизнь на самом деле. Таким свидетелем был Милош. Перед лицом наихудших пароксизмов истории Европы он сознательно и упрямо шел узкой тропой поэтических экспериментов, тем самым указывая путь всем, кого различные формы притеснения вынуждают ходить по выжженной земле отрицания. В жестокие времена отрицания жизни Милош был одним из тех, кто представлял собой его творческую противоположность, — он был одним из великих жизнеутверждающих поэтов современной литературы. А их не так уж много...» («Жечпосполита», 28–29 авг.)

- Шеймас Хини, лауреат Нобелевской премии по литературе: «В принципе Милош опроверг слова Т.С.Элиота о том, что человечество не может вынести слишком много реальности. Молодой поэт, начинавший свою карьеру среди ровесников в гудящих от споров варшавских кафе 30-х годов, стал свидетелем того, как эти самые молодые поэты гибнут от пуль в Варшавском восстании (...) Старик, мудрец из Гризли-Пик в

Беркли, ветеран холодной войны, герой “Солидарности”, друг Папы, он был одновременно ребенком и поэтом, который непрестанно слышит “все нарастающий призыв Отдельного, наперекор земным законам уничтоженья памяти” (“Капри”) (...) Секрет его творчества заключался частично, а сила — в значительной мере — в огромных познаниях Милоша. Его ум напоминал ренессансный театр памяти». («Тыгодник повшехный», 29 авг.)

• Эдвард Хирш, американский поэт, президент Мемориального фонда Гуггенгейма: «Милош дал нам глубокую поэзию памяти. Он пронизательно и трезво смотрел на XX век, но в его произведениях всегда присутствовал элемент катастрофизма (...) Милош носил в себе груз памяти (...) Как в поэзии, так и в прозе он оставил нам своего рода предостережения Кассандры: обращать внимание на то, что случилось в прошлом в Европе, на последствия того, что “природа становится театром” (...) Милош понимал жестокость природы, но в то же время помнил, что Земля заслуживает крупницы нашей любви. Он размышлял над тем, как зарождались и гибли цивилизации, но при этом прославлял простые чудеса земли, неба и моря. Он напоминал нам, как трудно оставаться самим собой, но верил в нашу человечность». («Жечпосполита», 16 авг.)

• Имре Кертес, лауреат Нобелевской премии по литературе: «Чеслав Милош был и еще долго останется совестью польского народа. Об этом можно судить хотя бы по его стихотворению “Кампо ди Фьори” или по переписке с литовским поэтом Томасом Венцловой. Для литовцев и поляков отношение к еврейскому вопросу — это экзамен по этике и нравственности. Милош отважился взглянуть в лицо этим проблемам». («Впрост», 22 авг.)

• Адам Михник: «Всю свою жизнь Милош был предметом ненависти ханжей всевозможных политических расцветок: от доморощенных фашистов до снобствующих англофилов и франкофилов; от коммунистических красных до клерикальных фиолетовых. Как правило, он был одинок, но при этом всегда говорил своим собственным голосом — свободным и суверенным (...) Он был легендой нескольких поколений, в том числе и моего. Его стихи были как запретный плод — нам они чрезвычайно нравились, поскольку мы добывали их с трудом (...) Это было наше обязательное чтение. Среда демократической оппозиции буквально проглатывала его книги, зачитывалась ими (...) Ибо он не только спорил с советским коммунизмом и двуличием западных левацких бунтовщиков, но и давал столь же суровую оценку польской традиции бездумного

пустозвонства или тоталитарного национализма. То, что он писал о межвоенном двадцатилетии, об отношении к национальным меньшинствам, об убожестве польских правых и лицемерии левых, об антисемитизме, о тупой агрессивности клерикализма, а также о лживости правящих кругов санации, — все это побуждало заново переосмыслить ценности польской культуры, польской духовности. Чеслав Милош, автор “Порабощенного ума”, стал учителем польских вольнодумцев». («Газета выборча», 16 авг.)

• «Меня не удивило то, каким образом “Наш дзенник” попрощался с Чеславом Милошем — одной из крупнейших фигур в истории нашей литературы (...) [Представленный газетой] образ лауреата Нобелевской премии — простой, как лом, которым бьют по лицу, — свел жизнь и творчество Чеслава Милоша к нескольким элементам: коммунист, коммунистический дипломат, сторонник включения Польши в состав СССР, личный враг Библии и святого Максимилиана Кольбе. Восемь коротких предложений, которыми “Наш дзенник” подытожил жизнь Милоша, — это урок христианской любви к ближнему в духе национал-католиков». (Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 18 авг.)

• «Краков, затаив дыхание, ждет решения приора [монастыря] паулинов относительно погребения Чеслава Милоша в “крипте заслуженных” на краковской Скалке (...) “На Скалке покоятся люди, имеющие заслуги перед польской культурой и Церковью, — говорит монастырский привратник. — А у Милоша, насколько я знаю, с Господом Богом было не так много общего. То, что Папе нравится его творчество, еще ни о чем не говорит”». («Газета выборча», 18 авг.)

• «Почему идея погребения Чеслава Милоша на Скалке получила столь широкую поддержку? Скалка — место необыкновенное и очень важное для польской истории и Церкви. Уже в XI в. (...) на известковой скале была построена первая романская церковь (...) В 1079 г. на Скалке принял мученическую смерть — из-за конфликта с [королем] Болеславом II Смелым — краковский епископ Станислав из Щепанова (...) В 1253 г. он был канонизирован (...) Традиционно перед коронацией сюда приезжали польские короли (...) Церковь паулинов на Скалке известна также своей “криптой заслуженных”. Наряду с вавельским [кафедральным собором] она считается в Кракове самым престижным местом погребения великих поляков». («Жечпосполита», 19 авг.)

• «Против погребения Чеслава Милоша на Скалке протестуют круги, связанные с “Радио Мария” и Обществом национальной

памяти им. Первого маршала Польши Юзефа Пилсудского (...)
Митрополит Люблинский [архиепископ Юзеф Житинский]
сравнил обвинения, [выдвинутые] против Милоша близким к
“Радио Мария” “Нашим дзенником” (“Антипольское лицо
Чеслава Милоша”), с нападками коммунистов, когда Милош
получил Нобелевскую премию: “Это точная копия позиции,
которую заняла по отношению к Милошу ПОРП. Партия
утверждала, что Милош — антипольский поэт, а Нобелевскую
премию ему присудили за то, что он борется с социализмом”». (
«Газета wyborcza», 20 авг.)

• Из открытого письма, подписанного пятнадцатью
профессорами польской филологии краковского Ягеллонского
университета: «В изумление приводит список лиц,
подписавших протест против погребения поэта на Скалке. В
большинстве это люди либо совершенно неизвестные
общественному мнению, либо скомпрометировавшие себя
недостойным поведением во времена коммунизма, а особенно
военного положения. Не случайно тон этого протеста
удивительно напоминает брань, которой осыпали поэта
дежурные пропагандисты ПНР». («Газета wyborcza», 25 авг.)

• Архиепископ Юзеф Житинский: «Чеслав Милош уже вошел в
польский пантеон, поэтому, если бы кому-нибудь пришло в
голову лишить его места на Скалке, это было бы
пренебрежением к той роли, которую он по-прежнему будет
играть в польской культуре». («Газета wyborcza», 19 авг.)

• Барбара Скарга: «Того факта, что политические взгляды поэта
отличались от взглядов какой-то группы, оказалось
достаточно, чтобы отказать ему в патриотизме и звании
поляка. Во времена ПНР Милоша оплевывали по распоряжению
тогдашних высших властей, которые боялись его растущего
свободного влияния. Сегодня, поскольку он всегда был
человеком открытым, критиковавшим польскую косность и
разного рода узкие национализмы, на него нападают правые —
те ограниченные правые, которые боятся инаковости и, как
видно, не понимают даже нашей истории». («Газета wyborcza»,
23 авг.)

• «Умерший неделю тому назад Чеслав Милош будет похоронен
в “крипте заслуженных” на краковской Скалке. Согласие на это
дал о. Анджей Напюрковский, приор монастыря паулинов, в
чьем ведении находится национальный пантеон». (
«Жечпосполита», 21–22 авг.)

• Из телеграммы Папы Иоанна Павла II кардиналу Францишеку
Махарскому, митрополиту Краковскому: «“Сердце мое говорит

от Тебя: ,ищите лица Моего'; и я буду искать лица Твоего, Господи" (Пс 27, 8). Эти слова псалма приходят мне в голову, когда я вспоминаю блаженной памяти Чеслава Милоша. Мне кажется, они созвучны тому, что он написал мне в своем последнем письме». («Жечпосполита», 27 авг.)

• Из проповеди архиепископа Юзефа Житинского на заупокойной мессе по Чеславу Милошу в Мариацкой базилике: «У великих художников опыт одиночества становится неизбежной ценой жизни. [Милош] платил эту цену, когда независимостью своих мнений вызывал недовольство самых разных кругов. После ожесточенных споров с кругом французских интеллектуалов только Альбер Камю сумел понять его прохладное отношение к лозунгам левых. Во время протестов 1968 г. студенты из Беркли готовы были назвать его фашистом, ибо идеологам поколения 68 го он объяснял, что человек не может жить без ценностей, а они отвечали, что о ценностях говорят только фашисты. В свою очередь после возвращения на родину, когда он не стал приноравливаться к простым стандартам мышления, разочарованные критики обвинили его в том, что у него снова проявился левый перекося...» («Жечпосполита», 28–29 авг.)

• Во главе похоронной процессии из Мариацкой базилики на Скалку шел сам митрополит Краковский кардинал Францишек Махарский. В траурной церемонии участвовало около 7 тыс. человек. Среди них были Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, премьер-министр Марек Белька, специальный представитель президента Литвы Чеслав Окинчиц, представитель президента Польши министр Барбара Лабуда, министры культуры Литвы и Польши Рома Жакайтене и Вальдемар Домбровский, представители дипломатического корпуса, раввин Саша Песариц, лауреаты Нобелевской премии по литературе Вислава Шимборская и Шеймас Хини. Микола Маркевич из Белоруссии, который в свое время был арестован за критику Лукашенко, вспоминал: «Милош был первым, кто выступил в мою защиту». Стихи Чеслава Милоша читали: по-литовски — Томас Венцлова, по-русски — Анатолий Ройтман, по-английски — Роберт Хаас, на иврите — Давид Вейнфельд, по-французски — сын поэта Антоний, по-польски — Миколай Грабовский. («Газета wyborcza» и «Жечпосполита», 28–29 авг.)

• Анатолий Ройтман, переводчик стихов Чеслава Милоша: «Милош ушел, оставив нам мир, созданный его творчеством». («Тыгодник повшехный», 22 авг.)

Чеслав Милош

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

БАЛЛАДА

Ежи Анджеевскому

На равнине дерево сухое.
Мать сидит в его тенёчке малом.
Облупляет вареное яичко,
Запивает чаем из бутылки.
Видит город, никогда не бывший.
В полдень башни и стены так и блещут,
Смотрит мать на голубиную стаю,
С кладбища до дому возвращаясь.
Позабыли, сынок, позабыли.
Из друзей тебя никто не вспоминает.
Ребятишек народила невеста,
О тебе уж не подумает ночами.
Памятники стали по Варшаве,
Твое имя не выбито на камне.
Только мать, пока жива еще, припомнит,
Как смешон ты был и прямо как ребенок.
Под землею Гайцы , под землею,
Уж навеки двадцатидвухлетний.
И без глаз он, и без рук, без сердца,
Ни зимы не знает и ни лета.
Что ни год река взрывает льдины,

Во бору подснежник расцветает.
Кувшины черемухой наполнив,
«Сколько лет мне, — спросят, — жить, кукушка?»
Под землею Гайцы — не узнает.
Что Варшава битву проиграла.
Баррикаду, на которой умер,
Разобрали потресканные руки.
Красной пылью окрашивался ветер,
Дождь прошел, и соловей защелкал,
Каменщик орал под облаками,
Кверху дом подтягивая новый.
— Говорят, сынок, стыдиться надо,
Не за правое, мол, дело бился.
Мне ли знать, пускай Господь рассудит,
Раз нельзя поговорить с тобою.
В пыль цветы твои поискрошились,
Это засуха, единственный, прости мне,
Мало времени, а воду издалёка
Надо брать, когда сюда приходишь.
Мать под деревом платок оправляет,
Светят в небе голубиные крылья.
Загляделась, задумалась мать,
А простор такой высокий, высокий.
Уезжает к городу трамвайчик,
Парень с девушкой мчатся вдогонку.
Мать и думает: успеют — не успеют?

Добежали. И вошли на остановке.

1958 (Из книги «Король Попель и другие стихотворения», 1962)

**ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА
РУДОЛЬФА ГРЁТЕ**

(1944)

Белый город на равнине под высоким небом
День за днем стоит под тяжким пушечным обстрелом,
Линия домов от залпов крушится, чернеет.
Сыплет груз бомбардировщик. Сплошь да сплошь
пожары.
Дым всё выше и всё гуще, до самого неба.
Стал столбом над горизонтом, черной вертикалью.
А людей не разглядеть мне в полевой бинокль.
Огнестрельного оружия треск очередями.
Но я знаю, что мы рушим. Малое свое.
Поколения обоев. Древности варений.
Запах капель от бронхита. Зеркала. Гребенки.
Чашки с блюдами и вазы. Платья в нафталине.
Кровь, особенная жидкость, следа не оставит.
Вещи же в осколках живы. Через годы станут,
В металлических решетках слой земли просеяв,
Брать рукою осторожно крупцу фарфора.

(Из книги «Хроники», 1987)

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «1 августа в 17.00 в столице завыли сирены. Машины и пешеходы остановились, чтобы почтить память героев Варшавского восстания (...) Замерли автобусы и трамваи. В это же время к памятнику Варшавскому восстанию возложил венок канцлер Германии Герхард Шредер. Событием, которого ветераны ждали больше и дольше всего, стало открытие Музея Варшавского восстания». («Жечпосполита», 2 авг.)

• Варшавское восстание 1944 года продолжалось 63 дня. Армия Крайова потеряла 10,2 тыс. человек убитыми, 25 тысяч — ранеными и 5 тысяч — пропавшими без вести. Потери немцев составили соответственно: 10 тыс. убитых, 9 тыс. раненых, 7 тыс. пропавших без вести. Сильнее всего пострадало гражданское население: 150 тыс. человек были убиты, 165 тысяч — вывезены в Германию на принудительные работы, 350 тысяч — насильственно переселены. («Ньюсуик-Польша», 1 авг.)

• Из речи президента Александра Квасневского: «60 лет назад, оказавшись между двумя тоталитарными державами, поляки хотели с оружием в руках отстоять свое пространство свободы. Сегодня это желание сбылось, превзойдя все наши мечты. Свободная и независимая Польша находится среди друзей и партнеров (...) Спасибо вам, героические бойцы Варшавского восстания». («Жечпосполита», 3 авг.)

• Из речи канцлера Герхарда Шредера: «С чувством стыда я склоняюсь под тяжестью преступлений, совершенных гитлеровскими войсками (...) Здесь, на месте польской гордости и немецкого позора, мы выражаем надежду на примирение и мир (...) Перед лицом зла, причиненного в прошлом немцами полякам, примирение между нашими народами кажется чудом». («Жечпосполита», 2 авг.)

• «Вчера президент России Владимир Путин направил президенту Варшавы Леху Качинскому письмо по случаю 60-й годовщины Варшавского восстания. Тем самым Путин хотел успокоить споры по поводу статьи российского посла Николая Афанасьевского, возмущившей ветеранов восстания». («Жечпосполита», 31 июля — 1 авг.)

• «Просто в голове не укладывается, что на торжества, посвященные 60-й годовщине Варшавского восстания, не был приглашен президент России (...) Каждый год в годовщину Варшавского восстания мы с горечью думаем, что Москва все еще не созрела для извинений за пассивность [советской Армии на подступах] к гибнущей Варшаве. Однако, если мы ожидаем от наших русских друзей извинений, надо хотя бы предоставить им такую возможность». (Павел Вронский, «Газета wyborча», 3 авг.)

• В заявлении, посвященном Варшавскому восстанию, российский МИД назвал «тенденциозным и субъективным» тезис историков и «некоторых польских политиков», согласно которому «вина — во всяком случае частичная — за разгром повстанцев и варварское разрушение столицы нередко возлагается на союзников по антигитлеровской коалиции, которые, дескать, не оказали своевременной и достаточной помощи варшавянам». «Подобную трактовку в России не разделяют». Неоднозначное отношение официальных российских представителей к Варшавскому восстанию имеет свою историю. В 1994 г. тогдашний президент Лех Валенса пригласил президента России Бориса Ельцина на торжества по случаю 50-й годовщины восстания, однако тот не приехал, а прислал лишь главу своей администрации. («Жечпосполита», 5 авг.)

• «В 1988 г. мы с волнением слушали российского юриста Амстистова. Этот крупный ученый, впоследствии член Конституционного суда Российской Федерации, начал свое выступление на встрече с группой экспертов в варшавском Клубе католической интеллигенции со слов: "Я в Варшаве в первый раз, но мой отец был здесь в 1944 году и обо всем мне рассказал. Поэтому я приехал попросить у вас прощения..."» (Анджей Велёвейский, «Жечпосполита», 7-8 авг.)

• Российский историк, автор публикации о Варшавском восстании Лев Безыменский: «Быстро стало ясно, что Сталин вообще не намерен помогать сражающейся Варшаве. Можно сказать, что советская армия в начальной фазе не могла, а затем, согласно линии Сталина, не хотела вмешиваться». («Жечпосполита», 31 июля — 1 авг.)

¹ Проф. Норман Дэвис: «Многих Варшавское восстание покрыло позором. Не только Германию или Советский Союз, но и, к примеру, поляков из люблинского Польского комитета национального освобождения. Однако наибольшее возмущение вызывают не дни восстания, а времена, последовавшие за

ними. Ежедневно поляки — судьи и прокуроры — бросали в тюрьмы или приговаривали к смерти других поляков

– бойцов восстания. Варшавское восстание — это небывалый героизм, неслыханная жестокость и страшная измена. Измена как Советского Союза, так и Запада. Никто не пришел повстанцам на помощь, хотя они сражались и за тех, на чью помощь рассчитывали. Страшная, медленная смерть города...» («Ньюсуик-Польша», 1 авг.)

• Директор Института национальной памяти (ИНП) проф. Леон Керес призвал российскую военную прокуратуру как можно скорее закончить продолжающееся уже 13 лет следствие по делу о катынском преступлении. «Я хочу призвать раз и навсегда завершить это дело, отравляющее польско-российские отношения», — сказал проф. Керес в интервью «Московским новостям». По мнению польского правосудия, за преступление несут ответственность не только Сталин и политбюро ЦК ВКП(б), но и непосредственные участники событий: те, кто отдавал приказы, конвоировал пленных, служил в охране, и, наконец, те, кто стрелял. Таких преступников было около двух тысяч. («Газета wyborcza», 7 июля)

• Российские власти не считают, что катынский расстрел был преступлением против человечества, не подлежащим сроку давности. В связи с этим никому не будет предъявлено обвинение в убийстве. Российская сторона заявила, что не может передать Польше личные дела жертв, так как документы были уничтожены. По мнению директора ИНП, его московские переговоры существенным образом дополнили сведения о ходе следствия. («Жечпосполита», 5 авг.)

• Директор Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа проф. Витольд Кулеша: «Российская сторона оставила без ответа нашу просьбу о предоставлении полного списка виновников катынского преступления. Мы не можем квалифицировать убийство 27 тысяч польских граждан иначе как геноцид. Уничтожение в 1940 г. десятой части 240 тыс. военнопленных и узников не было серией отдельных убийств вследствие "технической ошибки", как утверждают российские прокуроры. Это был результат стремления властей СССР уничтожить руководящую элиту польского общества». («Жечпосполита», 7–8 авг.)

• Российский историк и политолог проф. Инесса Яжборовская: «В документе от 1 августа 1993 г. эксперты Главной военной прокуратуры РФ, среди которых была и я, написали, что в Катыни имел место геноцид. К такому же выводу пришел

военный прокурор в июле 1994 года (...) В 1995 г. новый прокурор, начавший вести это дело, получил четкие указания: ограничиться поиском виновных среди состава политбюро (...) Все, начиная с отдавшего приказ и кончая нажавшим на курок, должны быть названы — по крайней мере по должности (...) Однако ФСБ скрывает такие дела особо тщательно. В такого рода учреждениях работают целые династии: сын, отец, дед. Поэтому они и не желают выдавать свои тайны». (*«Жечпосполита»*, 5 авг.)

• Профессор Александр Яковлев, в период перестройки один из ближайших сотрудников М.С.Горбачева: «Общая атмосфера, царящая сейчас в России, наверняка не способствует завершению этого дела». (*«Газета выборча»*, 5 авг.)

• Леон Попек из Люблинского отделения ИНП: «Нет политической готовности почтить память убитых на Волыни. Их закопанные в неглубокие ямы, омываемые дождем кости иногда белеют там, где некогда стояли деревни. Но эксгумацию провести нельзя, ибо она стала бы неопровержимым доказательством убийства. А украинские историки и власти не хотят таких доказательств. 1[евозможно даже получить разрешение на хотя бы символические могилы и кресты]». (*Майя Нарбутт*, *«Жечпосполита»*, 7–8 авг.)

• В Едвабне отмечалась 63-я годовщина уничтожения еврейского населения местечка польскими соседями. В траурной церемонии принял участие посол Израиля в Польше Давид Пелег, однако на нес не пришли ни жители Едвабне, ни местные власти. (*«Жечпосполита»*, 12 июля)

• В 60-ю годовщину ликвидации цыганского лагеря в Освенциме цыгане из Польши и других стран Европы почтили память 23 тысяч цыган из 11 стран, погибших в лагере Аушвиц — Биркенау (Освенцим — Бжезинка). В ночь со 2 на 3 августа 1944 г. немцы уничтожили в газовых камерах последнюю группу цыган — 2900 человек, в основном детей. (*«Жечпосполита»*, 3 авг.)

• «Геноцид — самое злое и непостижимое преступление XX века. Катастрофа еврейского народа, Армения, Камбоджа, Босния, наконец, Руанда. Совершенно разные культуры, уровень развития, склад ума; разная интенсивность, охват, резонанс в мире, — но ведь есть нечто общее (...) Это черная расселина. Неизвестно, где она начинается и насколько глубока, поэтому приближаться к ней опасно». (*Эва Шуманская*, *«Тыгодник повшехный»*, 8 авг.)

- «Комментируя визит [в Польшу председателя КНР] Ху [Дзиньтао], президент Александр Квасневский заикнулся было о "различиях во взглядах на системы ценностей и права человека", однако затем моментально добавил, что различия эти "не должны влиять на развитие польско-китайских отношений" (...) Ежегодно в КНР совершается 10 тысяч казней, повсюду действует система трудовых лагерей Лаогай, в тюрьмах практикуются пытки, в судах часто и речи быть не может о гласности процессов и праве на защиту. Делаются также принудительные аборты». (*Кшиштоф Бурнетко, «Тыгодник повсехный», 20 июня*)

- «Центр им. Шимона Визенталя, еврейская организация, разыскивающая военных преступников, будет платить полякам по 10 тыс. евро за информацию о людях, помогавших немцам уничтожать евреев». (*«Газета wyborча», 16 июля*)

- Бронислав Геремек: «Когда внезапно какой-то заграничный центр начинает вести подобные поиски, меня охватывает чувство омерзения и тревоги». (*«Газета wyborча», 16 июня*)

- «Если ранее молчавшие свидетели гитлеровского геноцида дадут показания, которые помогут отдать под суд безнаказанных виновников преступлений против человечества, это будет полезно». (*Константы Геберт, «Жечпосполита», 17 июня*)

- Марек Эдельман: «Во всем мире платят за информацию, когда ищут преступников. Президент США назначил миллионы долларов за Усаму бен Ладена и Саддама Хусейна». (*«Жечпосполита», 17 июня*)

- «Помимо полиции за доносы платят государственные учреждения, располагающие оперативными средствами: Агентство внутренней безопасности, Агентство разведки, военная жандармерия, пограничная охрана, таможенная инспекция, а также таможенные и налоговые учреждения. Деньги на доносы есть у детективных агентств и экономических разведок. Доносы пишут и в редакции — некоторые платят за это». (*Ян Дзядуль, «Политика», 10 июля*)

- После того как 16 июня начала работать инфолиния «Последний шанс» (22498-15-07), в иерусалимский офис Центра им. Шимона Визенталя поступило из Польши несколько десятков сообщений о безнаказанных виновниках преступлений против евреев. В отношении восьми подозреваемых центр начал собственные расследования. (*«Жечпосполита», 23 июля*)

- Впервые государство, входившее в состав бывшего СССР, передало Польше личные дела, заведенные НКВД на репрессированных поляков. Этим государством стал Узбекистан. Папки весят 200 кг. В них содержатся данные более чем о 600 поляках начиная с 1926 года. (*«Газета выборча»*, 9 июля)

- Крестами Сибирских Ссылных будет награждать президент Польши депортированных польских граждан. Из полутора с лишним миллионов поляков, сосланных на восток в годы войны, в настоящее время в живых осталось менее 100 тысяч. Крест Сибирских Ссылных должен стать знаком национальной памяти, а также данью мученичеству и верности идеалам свободы и независимости. Закон об установлении награды вступил в силу 1 января этого года. (*«Жечпосполита»*, 6 июля)

- Миссия «Польской гуманитарной акции» действует в Чечне с 2000 года. В рамках программы по обеспечению населения водой она ежедневно очищает и поставляет жителям Грозного 650 тыс. литров питьевой воды; в рамках санитарной программы — строит туалеты, вывозит мусор и медицинские отходы. Благодаря поддержке Бюро по гуманитарной помощи Европейской комиссии ПГА охватила санитарной программой также Гудермес, Шали, Старые Атаги и Ачхой-Мартан. (*«Жечпосполита»*, 6 авг.)

- Введение виз для россиян, украинцев и белорусов не привело к серьезному уменьшению потока людей, приезжающих в Польшу из этих стран. В визе отказывают лишь одному из ста. Однако значительным неудобством для туристов с Востока остаются гигантские очереди перед польскими консульствами. (*«Жечпосполита»*, 1 июля)

- В прошлом году польские предприятия инвестировали за границей почти 400 млн. долларов, т.е. в два раза больше, чем в позапрошлом. Этот рекорд стал возможен благодаря крупнейшей с момента распада СССР экспансии на восточные рынки. В России и на Украине польские капиталовложения увеличились в 3–4 раза. В 2003 г. они превысили 100 млн. долларов. (*«Газета выборча»*, 20 июля)

- Проф. Дариуш Росати, депутат Европарламента: «Всем, кто видит в России [наш] великий шанс, я всегда повторяю: это экономика средних размеров, сравнимая с голландской. [Россия] может быть в лучшем случае дополнением к нашим экспортным рынкам (...) Украинская экономика меньше чешской (...) Однако для Польши это важный политический партнер, и наша страна должна присутствовать там из

геополитических соображений (...) Российские инвестиции в Польшу связаны со стратегическими отраслями (...) транспортировкой топлива, нефтеперерабатывающими заводами, металлургическими комбинатами (...) Время от времени к нам поступают сигналы, что этот партнер еще не заслуживает такого доверия, как наши западные партнеры. [Россия] рассчитывает решить все вопросы, связанные с Польшей, через Брюссель или путем давления на нас наших партнеров. Вне всякого сомнения, этот метод неэффективен и не способствует укреплению взаимного доверия. Поэтому теперь мы тоже будем решать все проблемы через Брюссель». («Жечпосполита», 26 июля)

- «Бывший премьер-министр Лешек Миллер, вице-премьер Марек Польша и нынешний министр экономики Яцек Пехота несут ответственность за подписание договора с Россией, условия которого создают угрозу энергетической безопасности страны. Таков вывод Высшей контрольной палаты, которая установила, что подписанный в 2003 г. договор ставит Польшу в полную зависимость от поставок российского газа». («Жечпосполита», 9 июля)

- Уже несколько лет подряд российские власти держат в напряжении польские гмины, расположенные в районе Вислинского залива, Эльблонгского канала и Мазурских озер. В начале каждого сезона россияне угрожают закрыть для польских судов Пилавский пролив – единственный выход из Вислинского залива в открытое море. Только строительство канала через Вис-линскую косу может обеспечить польским судам свободное плавание в заливе. Проект уже готов: канал должен проходить через местность Сковронки в гмине Штутово. Его планируемая длина — 1,5 км, глубина – 6 м, а ширина — 80 м. От высокого подъема воды при шторме его будет защищать шлюз. Канал можно будет пройти за 20 минут. Стоимость его строительства — 200 млн. злотых. Планируемые годовые доходы от оплат, обслуживания судов и торговли — 30 млн. злотых. («Впрост», 18 июля)

- Станислав Лем: «Я бы не взял на себя смелости утверждать, в каком состоянии находятся наши отношения с Россией; в настоящее время, пожалуй, ни в каком. Нам недостает конкретизированной политики по отношению к России, так как у нас вообще нет внешней политики. Все партии вцепились друг в друга, как грызущиеся дворовые псы, и им недосуг посмотреть, не идет ли кто-нибудь с палкой». («Тыгодник повшехный», 20 июня)

- О намерении развивать торговое сотрудничество и увеличивать взаимные инвестиции заявили на прошедшем в Ялте VII Экономическом форуме президенты Украины и Польши. («Жечпосполита», 26–27 июня)

- Проф. Бронислав Геремек, депутат Европарламента: «Главная проблема заключается в том, что процесс преобразований на Украине застопорился. Таким образом активная поддержка Украины Польшей перечеркивается отсутствием изменений на самой Украине. Это не должно нас обескураживать – наоборот, такая ситуация должна побуждать нас к усилению натиска как на США и ЕС, так и на политическое руководство Украины». («Газета wyborча», 3–4 июля)

- Из заявления премьер-министра Украины Виктора Януковича следует, что с помощью трубопровода Одесса — Броды Украина хочет транспортировать и каспийскую нефть в сторону Бродов, и российскую — в сторону Одессы. Таков результат давления Москвы, которая косо смотрит на польско-украинское сотрудничество, связанное с транспортировкой нефти. («Жечпосполита», 7 июля)

- Вот уже несколько лет Польша не может договориться с Украиной о строительстве трубопровода, по которому в нашу страну поступала бы нефть. Похоже выглядит и ситуация с газом. Это следствие того, что в Киеве существует враждебное Польше московское лобби. Однако не без вины здесь и польская сторона, о чем свидетельствует хотя бы затянувшаяся приватизация металлургического комбината «Ченстохова» (которым интересуются украинцы!). (Анджей Михальский и Элиза Венцлав, «Жечпосполита», 9 июля)

- «Неужели это конец польских грёз о сближении Украины с Западом? Полное членство в НАТО и ЕС перестало быть целью Украины — вчера президент Кучма исключил из украинской военной доктрины соответствующее положение. Взамен Кучма хочет ускорить сближение с Россией. "Агентура западных стран всячески пытается скомпрометировать интеграцию России и Украины", — сказал вчера в Ялте во время встречи с Леонидом Кучмой президент России Владимир Путин (...) Украинцы объявили, что с 1 августа они изменяют предназначение стратегического трубопровода Одесса — Броды. Трубопровод должен был качать в Польшу каспийскую нефть и связывать Украину с Западом. Теперь по нему в обратном направлении потечет российская нефть». («Газета wyborча», 27 июля)

- Еще до того как мы достигли демократии, «Польша осуществила переход от тоталитарной системы к

автократической раньше и последовательнее, чем другие страны, находившиеся под советским владычеством. Это легко объяснить (...) Польша, католическая страна с общественным мнением, настроенным против России, чей гнет поляки должны были терпеть больше ста лет, и враждебным по отношению к Советскому Союзу, который в начале войны был союзником Третьего Рейха, обладала к тому же запечатлевшимися в народной памяти традициями непокорности и восстаний. В ней правила партия, лишенная права называться коммунистической, так как ее предшественница, носившая это название, была распущена Коминтерном после предварительного уничтожения ее руководства в СССР во время чисток 30-х годов. Воспоминания об этом преследовали коммунистов, вышедших живыми из ГУЛАГа и вернувшихся в Польшу, а также тех, кто выжил в польских тюрьмах. Мало того, существовали еще и крепкие связи между населением Польши и Францией, Великобританией и США. Короче говоря, Польша соединяла в себе черты, которые делали ее антиподом Советского Союза». (Кшиштоф Помян, «Жечпосполита», 26-27 июня)

- Несколько тысяч человек пришли на похороны полковника Рышарда Куклинского. В траурной церемонии участвовал почетный караул польской армии. На протяжении 11 лет полковник Куклинский сотрудничал с американской разведкой и разведкой НАТО, не требуя за это никакого вознаграждения. Он передал на Запад около 35 тыс. документов командования Советской Армии и Варшавского договора, в т.ч. варианты планов нападения на Западную Европу. В феврале 1982 г. директор ЦРУ Уильям Кейси написал в докладе президенту Рональду Рейгану: «Никто в мире на протяжении последних сорока лет не причинил коммунизму такого вреда, как этот поляк». В 1984 г. суд Варшавского военного округа заочно приговорил Куклинского к смертной казни. В 1997 г. Куклинский был оправдан и реабилитирован. («Жечпосполита», 21 июня)

- «Польский дипломат возложил цветы к памятнику литовским солдатам, которые, в частности, сражались с польскими партизанами из Армии Крайовой. Это должно положить начало примирению между польскими и литовскими военными». («Газета wyborча», 19-20 июня)

- Командующий второй сменой международной дивизии в Ираке генерал Мечислав Бенек: «Провинции, расположенные в польской зоне ответственности, могут похвалиться не только все более опытной полицией, но и тем, что здесь уже

управляют губернаторы и городские советы (...) На протяжении 6,5 месяцев нам удалось уничтожить 10 из 12 арсеналов и осуществить 1300 проектов гражданско-военного сотрудничества на общую сумму 48 млн. долларов, что способствовало улучшению работы органов администрации и правосудия, а также росту безопасности. Кроме того мы создали пять батальонов национальной гвардии и приняли на службу 14 тыс. работников новой иракской полиции». Президент Александр Квасневский наградил генерала Бенека Командорским Крестом ордена Возрождения Польши. («Жечпосполита», 23 июля)

- «В Ираке погиб седьмой польский военнослужащий, капрал Мартин Рутковский. Восемь человек наших ранены, но их жизни не грозит опасность». («Газета wyborcza», 30 июля)

- «Иракские полицейские и польские солдаты задержали вчера исполнителей теракта, в результате которого погиб капрал Рутковский». («Газета wyborcza», 3 авг.)

- «Выведи свои захватнические войска из Ирака, или ты услышишь звуки взрывов, сотрясающих твою страну», — так звучит угроза, обращенная к «польскому правительству и народу, а особенно к подлому премьер-министру Мареку Бельке» террористами из группы «Аль-Тахвид», именующей себя «европейской Аль-Каидой». («Жечпосполита», 22 июля)

- Первый центр НАТО в новых странах-членах Североатлантического Союза открылся в Быдгоще. Центр подготовки объединенных сил (Joint Force Training Center) предназначен для командующих частями разных уровней — от батальона до дивизии. («Газета wyborcza», 26-27 июня)

- Двумя из 14 заместителей председателя Европарламента стали поляки — Януш Онышкевич и Яцек Сариуш-Вольский. («Жечпосполита», 21 июля) ¹ Януш Левандовский стал председателем одной из важнейших комиссий Европейского парламента — бюджетной. («Жечпосполита», 23 июля)

- 69% поляков поддерживают вступление Польши в Евросоюз. Особенно возросла поддержка среди крестьян, которые сильнее всего ощутили, что их положение улучшилось. («Тыгодник повшехный», 25 июля)

¹ Польша занимает седьмое место по экспорту в страны ЕС после США, КНР, Японии, Швейцарии, России и Норвегии. («Ньюсуик-Польша», 20 июня)

• «В странах Евросоюза резко растет спрос на мясо из Польши. Чтобы оказаться на высоте требований, мясоперерабатывающие комбинаты вовсю инвестируют: по оценкам экспертов, в этом году мясоперерабатывающая отрасль потратит на расширение производства 2 млрд. долларов — на 500 миллионов больше, чем в 2003 году. Благодаря этому в текущем году экспорт может увеличиться даже на 30–40%». («Жечпосполита», 23 июля) ' Цззарий Банасинский, начальник Управления по защите конкуренции и потребителя (УЗКиП): «Установив факт нарушения закона или злоупотребления господствующей позицией [на рынке], УЗКиП, прежде чем действовать административным путем, всегда старается решить дело полюбовно (...) Мы призываем отказаться от запрещенных методов, а затем контролируем (...) Управление прибегает и к неофициальным методам: запугивает правонарушителей. Роль пугала играют СМИ. Практически все предприниматели боятся критики в СМИ. Это своего рода наказание. Если информация об обманутом клиенте попадет в газеты, это может обойтись дороже денежного штрафа (...) Вступление Польши в Евросоюз дало начальнику УЗКиП новые возможности. Теперь я вхожу в европейскую сеть и сам могу привлечь к ответственности картель или призвать на помощь управления других стран ЕС. Я могу возбудить следствие против иностранных картелей, если результаты их сговора отражаются на польском рынке. Могу наложить штраф. Возникла система, благодаря которой польский рынок лучше защищен». (Ягенка Вильчак, «Политика», 26 июня)

• По словам президента Польского национального банка Лешека Бальцеровича, в 2003 г. внешний долг Польши превысил 40% всего государственного долга. За границей были взяты новые кредиты на сумму 1,1 млрд. евро. «Займы у зарубежных кредиторов ставят Польшу во все большую зависимость от иностранного спекулятивного капитала, который может легко отхлынуть. Во многих странах его внезапное бегство закончилась кризисом», — говорит Лешек Бальцерович. («Газета wyborча», 21 июля)

• Средняя польская семья тратит в месяц 1700 злотых (568 зл. на человека). Половина этой суммы идет на ежедневные бытовые нужды, из них 656 злотых на питание и 372 — на квартплату и коммунальные платежи. Большинству поляков не удается откладывать деньги. Накоплением занимаются главным образом люди одинокие, предприниматели и пенсионеры. («Жечпосполита». 6 июля)

• Краковский садовник Владислав Годынь продал собранную им за долгие годы коллекцию из 250 картин выдающихся польских художников и на полученные деньги построил шесть домов для бездомных, больных, неприкаянных и репатриантов из Казахстана. Благодаря ему крышу над головой получили около трехсот человек. «Человек значит столько, сколько он сделал для бедных и слабых», — цитирует Годынь слова св. брата Альберта, а затем вспоминает, как его отец приводил отрывок из стихотворения: «Блажен, кто делает не для себя». (Ежи Садецкий, «Жечпосполита», 5 июля)

• «"Компания", т.е. часть верхушки "Солидарности", смешавшаяся с посткоммунистическим мирком, — вот настоящая "группа власть предержащих". То, что внутри этой группы привилегированных появилась горстка сверхпривилегированных, привело к расколу и скандалу, вылившемуся в "аферу Рывина". В книге Богдана Рымановского и Павла Сенницкого "Компания Льва Рывина" этот процесс подтвержден документами и очень хорошо описан». (Томаш Сакевич, «Газета польская», 30 июня)

• Ян Паства, глава Государственной гражданской службы: «Введенные пять лет назад принципы открытости и конкуренции при приеме на гражданскую службу были по тем временам революционными. Сегодня, когда эти справедливые принципы уже успели укорениться в сознании граждан, больше всего затруднений у нас возникает с учреждениями, не соблюдающими элементарных правил (...) отсутствие дальнейших изменений привело к тому, что у нас все еще нет системы оплаты труда или, точнее, есть ее карикатура». («Жечпосполита», 2 июля)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, если бы парламентские выборы прошли в начале июля, «Гражданская платформа» набрала бы 26% голосов, «Самооборона» — 17, «Лига польских семей»

• 16, «Право и справедливость» — 11, коалиция «Союза демократических левых сил» и «Унии труда» — 7, крестьянская партия ПСЛ и «Уния свободы» — по 6%. («Жечпосполита», 7 июля)

• Лишь с третьей попытки получило вотум доверия в Сейме правительство Марека Бельки. Если бы это не удалось и на этот раз, президент распустил бы парламент и назначил бы новые выборы. («Тыгодиик повшехный», 4 июля)

- Премьер-министр Марек Белька: «Контакты политиков с людьми бизнеса будут существовать всегда. Этого не избежать. Более того, во всем мире это считается нормой (...) Мы можем сомневаться, должно ли так быть, но это стандарт. Тут не может быть какой-то модели. Все должно основываться на чувстве приличия». (*«Газета wyborcza»*, 26-27 июня)

- Бывший секретарь и член политбюро ЦК ПОРП Ежи Моравский: «Когда я смотрю сегодня на политическую сцену — и это касается всех партий,
 - когда я смотрю, как они занимаются политикой, я с горечью думаю: это наши дети. Они воепитаны нами. Та же непримиримость, уверенность в себе, надменность и неспособность отделить интересы своей партии от интересов народа». (*«Газета wyborcza»*, 9 авг.)

- Несмотря на события в Познани и Лодзи, где от пуль полицейских погибли трое прохожих, отношение польского общества к применению полицией оружия, резиновых дубинок и слезоточивого газа осталось таким же, как в 2002 году. Целых 75% поляков считают, что полицейский должен стрелять боевыми патронами, защищая себя или другого человека от непосредственного нападения. 69% утверждают, что в погоне за опасным преступником полицейские должны иметь право стрелять без предупреждения. (*«Газета wyborcza»*, 16 июля)

- «Уже несколько лет существует такое общественное пространство, куда мы можем заглянуть, как в зеркало, — и ужаснуться, осознав, среди кого мы живем. Это дискуссионные форумы в Интернете, полные ругани, вульгарности и, самое главное, вездесущей агрессии». (Тереса Богуцкая, *«Газета wyborcza»*, 3-4 июля)

- «Из плохого мира мы перешли в хороший, который, однако, становится все хуже», — говорил скончавшийся 17 июня Яцек Куронь. (*«Политика»*, 26 июня)

- Станислав Тым: «Если президент не наложит вето на закон об экспериментах на животных, несколько миллионов живых существ будут ежегодно погибать в невообразимых мучениях. Потому что контролировать зги опыты и помешать мучителям не сможет никто». (*«Жечпосполшна»*, 3-4 июля)

- Сейм не преодолел вето президента на закон об экспериментах на животных. За преодоление вето голосовали только 111 из 427 присутствовавших депутатов. (*«Газета wyborcza»*, 3-4 июля)

• «В Варшаве следовало бы поставить памятник Козе-кормилице. Да-да, именно так: Козе-кормилице. Знаете ли вы, сколько младенцев были обязаны ей жизнью во время Варшавского восстания и сразу после него?» (Ольгерд Будревич, «Нове ксёнжки»)

И не только младенцев — добавит от себя ваш хроникер, ибо и он выжил тогда благодаря Козе-кормилице, о чем при столь удобном случае не может не упомянуть.

СВИДЕТЕЛИ ЭПОХИ

Разбирая свои записки из частного расследования за 1989 и 1990 годы, я специально выбрал сведения о репрессиях в отношении польских граждан и тех, кто указывал в анкетах: национальность — поляк.

Этим мне хочется показать, в какую, мягко выражаясь, «атмосферу» попали (чуть позже — в 1939 г.) пленные польские офицеры, что происходило в стране, которая взяла их в плен.

Все нижеприведенное мне стало известно в процессе работы в архиве КГБ Смоленской области. После заявления генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева о дальнейшем пересмотре дел репрессированных, я, занимаясь пересмотром, работал с архивными документами. Помню, как меня просто поразили масштаб репрессий. Я практически впервые столкнулся с реальной правдой, во мне все перевернулось за первую же неделю работы в архиве, я стал другим человеком. Я увидел реальное обличье коммунистической империи. Хотя, правду сказать, я и раньше что-то читал на эту тему, что-то слушал по «Голосу Америки» и т.д. Но все это ничто, пока сам не столкнешься с лавиной архивных уголовных дел на незаконно репрессированных. Сразу развеиваются все мифы: что-де расстреливали в основном наркомов и крупных начальников, что «добрый» Сталин ничего не знал, а всё это Ежовы и Берии творили, и т.п. Сапожник артели «Труд» П.К.Поплевако, 1908 г.р. (арх. дело №83), был осужден как польский шпион, поскольку имел знакомых польской национальности. Государство рабочих и крестьян не знало пощады ни к рабочим, ни к крестьянам, ни тем более к интеллигенции и служащим. Если приглядеться к национальному составу репрессированных, то здесь полный беспредел: латыши, поляки, литовцы, белорусы, русские, украинцы... мне даже попалось одно дело на китайца, кончившего свой жизненный путь в подвале НКВД.

Из архивных дел было ясно, что по полякам проводилась активная репрессивная политика. Встречаются ссылки энкаведистов на руководящий документ из Москвы — «Об изъятии польского националистического элемента». В жестокой реальности это было чаще всего буквальным изъятием невинного человека из жизни — расстрел по решению тройки НКВД.

Пересмотрев несколько дел, я шел в подвал за новыми пыльными делами (это был тот самый подвал, где производились расстрелы, в том числе и польских офицеров из Козельского лагеря).

Мертвые архивные дела и люди, по ним уничтоженные, — заговорили, закричали, прося нас, живых, о правде и выходе из забвения. Несмотря на спешку и риск, я стал делать выписки из дел. Вот они:

Архивное дело на Данилевича Станислава Петровича, 1908 г.р., из крестьян-бедняков, поляк, из Минской области, Плешенецкий район, по ст. 58 6 УК (шпионаж) приговорен к ВМН — расстрелян. Вместе с ним осуждены 11 человек.

Архивное дело №457 с на Тубе Е.С., 1905 г.р, беспартийная, из г. Смоленска, русская, приговорена как «жена польского шпиона» к расстрелу (ст. 58 12).

Архивное дело №10146 на Урбанчука Я.И., поляка, б/п, из г. Дорогобужа Смоленской области, по ст. 58 6 10 осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей за то, что говорил знакомым: «При советском режиме жить стало хуже, чем при царе, власть забыла народ, не дает ни товаров, ни жизни... народу от их басен живется только хуже», только льют «из пустого в порожнее».

Архивное дело №11978 на Козловского А.Б., поляка, б/п, гражданина СССР, по ст. 58 10 ч.1 осужден на 8 лет ИТЛ. Вся его вина в том, что сказал: «Выборы — это обман. Некого зачеркивать — выставили одну кандидатуру... нас дураков обводят вокруг пальца», «колхозы идут к провалу. Колхозники по трудодням ничего не получают, сидят голодные», «при советской власти плохо жить и люди голодают», «единоличное ведение хозяйства было лучше... В Польше лучше...»

Архивное дело №10127, Кольчевский Сигизмунд Григорьевич, 1902 г.р., поляк, б/п, приговорен к расстрелу по ст. 58 6 13 октября 1938 года.

Архивное дело №10915, Мушинский С.В., 1915 г. р., поляк, б/п, работал продавцом в Гагаринском районе Смоленской области, осужден по ст. 58 10 ч.1 на 5 лет ИТЛ только за то, что сказал: «Коммунисты расстреливают хороших людей».

Следствие по его делу вел мл. лейтенант НКВД Белов, о котором известно, что он при допросах применял пытки, в том числе «китайскую» — каплями воды на голову допрашиваемого.

Подобных дел было много, у меня есть еще выписки, но, надеюсь, Институт национальной памяти наконец заинтересуется этими материалами. Тут хотел бы еще добавить на тему противоположную — о гражданах СССР, бывших в польском плену. Хорошо, что Россия наконец вспомнила о погибших за пределами страны. Это по-человечески можно только приветствовать, но для полной объективности историк должен знать, что стало с теми, кто вернулся из польского плена на Родину и дожил до 1937 года. Вот несколько примеров:

Архивное дело №12017 на Курашева Ф.Е., 1892 г.р., русского, рабочего кожевенного завода города Вязьмы Смоленской области, осужденного как польский шпион (за то, что был в плену в Польше) на 10 лет ИТЛ, по ст. 58 6 10.

Архивное дело №11982 на Козлова К.А., русского, б/п, колхозника, осужденного как польский шпион на 10 лет ИТЛ (ст. 58 6 10). Был в польском плену, в окружении говорил, что «в Польше, в плену жил лучше», про жизнь в колхозе говорил: «Все берут с нас, а нам ничего»...

Архивное дело №11898 на Журавлева И.И., 1893 г.р., кандидат в члены ВКП(б), русский, из г. Ярцево, главный бухгалтер, осужден по ст. 58 6 как польский шпион (якобы был завербован в польском плену), 19 октября 1938 г. расстрелян.

И подобных дел множество. Вот как «любимое» советское государство «переживало» за тех, кто был в плену. Естественно, во всех вышеуказанных делах совершенно нет доказательств никакой преступной деятельности вообще. В одном деле даже не было протокола допроса.

Какая же обстановка царила в самих органах НКВД на местах (в областных и районных органах)? Это можно представить по некоторым документам, которые мне попадались в архивных уголовных делах на самих энкаведистов. При смене Ежова на Берия было уничтожено немало сотрудников НКВД, близких к Ежову, за перегибы в репрессиях: видимо, Сталин испугался, что скоро в стране некого будет расстреливать при таких «ударных» ежовских темпах истребления граждан.

Помню, когда в 1978 г. я был в Ленинграде, то мне один из сотрудников Ленинградского УКГБ рассказал, что в 1939 г. руководящий состав Ленинградского НКВД вывели во внутренний двор и расстреляли из пулемета, без разбирательств. Таким образом Сталин обновлял чекистские кадры, заодно решая вопрос о вине за перегибы — взваливая ее на очередного «козла отпущения».

Вот что говорилось в справке по архивно-следственному делу №12 611: «...в дорожно-транспортном отделе НКВД по Западной железной дороге и ее периферийных органах в 1937-1938 годах производились необоснованные аресты по материалам аттестационных комиссий служб дороги и вообще без наличия компрометирующих материалов. Извращенные методы допроса, избиения, сажание на специально изготовленный высокий круглый стул — на кончик и на ножку табуретки. Фальсифицировали протоколы допросов, искажали национальность арестованных. Двое арестованных были убиты на допросе. В ДТО НКВД по станции Орша, например, арестованных помещали в специальную камеру — “салотопку”. В результате арестованные давали на себя вымышленные показания и оговаривали других лиц. Заместитель начальника ДТО НКВД Жуков требовал от линейных ДТО производства большого количества арестов, сам учил сотрудников извращенным методам допроса (...) следователи допускали подлоги, указывая вместо белорус, русский другие национальности — поляк, литовец, латыш». Значит, быть поляком в то время уже было преступлением! Читаем далее: «Материалы для ареста фальсифицировались. Произведенные таким образом внесудебные дела направлялись на внесудебное рассмотрение», «...стали арестовывать по спискам предприятий (...) давали установку на проведение групповых дел (...) создали фиктивную организацию “ПОВ” (о том 13 лист дела 63)». Из показаний сотрудника НКВД станции Витебск Маркелова: «...на совещании Жуков нам давал лимит на 50 человек (на неделю) и предлагал арестовывать граждан по спискам с предприятий...» Говоря нормальным языком, ни за что людей сажали, а потом придумывали статью. Далее читаем: «В июне-июле 1938 года достаточно было анонимного заявления или донесения агента о том, что человек имеет национальность — поляк, религиозный деятель, восхваляет жизнь в Польше, как сразу писались справки на арест этого лица». В этом же деле указано, что Г.С.Жуков пользовался особым доверием Берии и дослужился до звания генерал-лейтенанта. После краха Берии Жуков был лишен звания, уволен из КГБ, проводилось следствие против него... (след его простыл).

Людей польской национальности уничтожали такими темпами, что их уже трудно было найти, поэтому в поляков превращали людей других национальностей — русских, евреев, белорусов и т. д. Из показаний сержанта госбезопасности с двухклассным образованием Осипова Андрея Осиповича, 1902 г.р. (арх. дело №22 104), занимавшего должность заместителя начальника отделения особого отдела НКВД Ленинградского

военного округа: «..Авдеев превращал евреев в поляков...» — это из его показаний на своего начальника о фальсификациях и незаконных методах следствия. Далее читаем: «...руководство заставляло оформлять дела на душевнобольных (...) я эти приказы считал преступными...» Здесь сразу вспоминается фашистская тактика по уничтожению психически больных. Вот она, параллель между гестапо и НКВД. В этом деле я нашел ссылки на совершенно секретный приказ, который давал широкие возможности для произвола, — приказ НКВД СССР №00485 «Об упрощенном производстве дел».

Вышеизложенное я описал, чтобы показать на примере Смоленского НКВД — а именно оно оперативно руководило расстрелами польских военнопленных, — в обстановку какого беспредела попали польские граждане.

В следующей статье я намерен перейти к своим запискам по частному расследованию катынского преступления.

АД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Уже во введении к своей книге об идейной истории русской литературы от Пушкина до Бродского Адам Поморский предстает пред нами как тот самый "скептик в аду", от которого книга получила свое название. Действительно, ему удалось – как читателю, исследователю и переводчику русской литературы – посетить *inferno* Достоевского, Ахматовой, Замятина, Бродского. Добавим, что здесь имеется в виду не известный многочисленным русским и нерусским писателям – хотя бы Достоевскому и Сартру – внутренний ад человеческой души и не загробная бездна. Предмет описания автора – "русский ад", находящийся еще на "этом свете". Он обладает политическим и социальным аспектами, а все отсылки к "тому свету" существуют здесь исключительно на уровне метафоры и стиля.

Государство и антигосударство

Таким образом, речь идет о пространстве поистине "дьявольском", но при этом чисто историческом, которое в течение трех столетий создавали в Москве и Петербурге цари и чиновники, патриархи и еретики, террористы и полицмейстеры, охранка и большевики. Поморский пишет: "Нигде бытие не определяет сознание так всецело, как в аду. И все же в культурном кругу Европы нового времени особняком стоит русская традиция восприятия собственного государства как ада". Добавим, что и анархизм нигде не принял столь радикальной и эсхатологической формы, как в России во второй половине XIX века – хотя бы благодаря Бакунину. Он неутомимо и бесстрашно сражался – и не только в книгах, но и на баррикадах Парижа и Дрездена – с государством как формой деспотии и с послушными ему войсками.

Поморский с очевидным сочувствием приводит мысль Бакунина из работы "Федерализм, социализм и антитеологизм" (1867), где государство со своей регулярной армией представляется как создание немца, цивилизованной бестии, раба по убеждению и палача по призванию. Эта бестия, объединяющая в себе образованность с хамством, хамство с мужеством, систематичность с жестокостью, а жестокость – со своеобразной честностью, истребит или сокрушит десятки, сотни, тысячи людей по легчайшему мановению начальства.

Последовавшие за предсказанием Бакунина войны и революции (и "прусские", и "русские") убедительно доказали, что тревогу нужно было бить еще в XIX веке... Русский анархист писал также, что идеалисты (по сути своей нормальные религиозные европейцы), стремясь придать божественный характер творениям человеческих рук и разума, привели в результате к победе грубого материализма... Чистая правда, но ведь и самого автора этих слов следует признать одним из идейных отцов-основателей ада на земле в России XX столетия. Разве не он, идя следами Фейербаха и Маркса, написал в трактате "Кнута-германская империя и Социальная Революция" (1871), что человек только тогда вновь обретет свободу, достоинство и благосостояние, когда сумеет отнять у Неба все плоды, которые оно отняло у Земли, и вернет их Земле?

А уже в XX столетии большевики, приняв этот совет всерьез, остановились на полпути - дочиста обобрав небо, не предложили взамен ничего хорошего ни земле, ни человеку.

Хирурги и обезьяны

Как в России дошло до того, что созданию и упрочению "полицейского государства" способствовали и его правители, и бунтари, мечтавшие его уничтожить? По мнению автора "Скептика", все началось с церковных реформ патриарха Никона в середине XVII века. Сами по себе разумные, но введенные слишком грубо и жестоко, эти реформы привели к расколу общества на две враждебные друг другу группы: новаторов и консерваторов. Первые в XVIII веке начнут создавать абсолютистское государство и империю, вторые каждое их начинание будут разоблачать как "дьявольское наущение".

Царя Петра Великого, который продолжил дело Никона в сфере цивилизации (используя не менее жестокие методы), староверы сочли Антихристом. Поморский тоже упрекает Петра в том, что тот "тщательно создавал свой сатанинский, выражаясь современным языком, „имидж". Сюда входили и богохульство, и осквернение святынь, и придворные инсценировки „черных месс", и кальвинистская ересь (в этом его укоряли иерархи православной Церкви, которая после ликвидации патриархии была подчинена бюрократической власти государства)".

Добавим, что во время одной из своих гигантских попоек Петр I в качестве издевательства над обычаями и учреждениями Церкви созвал на своем дворе "всепьянейший собор". Был здесь

и "князь-папа", роль которого играл дьяк Никита Зотов, и "патриарх", и даже "польский король" в лице стольника Ивана Бутурлина. Почти 20 лет спустя царь включил в программу подобного празднования свадьбу "князя-папы", старика Бутурлина, со старухой, вдовой его предшественника на посту "князя-папы" Никиты Зотова. На свадьбу подали ящик с водкой, оформление которого напоминало Евангелие. Любопытно, что подобные "потешные пиры" устраивал уже Иван Грозный, а в XX веке его маску примерил Сталин. Поморский напоминает, что все эти три правителя (заметим, что Сталин в 30-е годы ссылался на Петра, а после войны - уже на Ивана) жестоко боролись с русской "отсталостью". Однако во имя "передовых идей" они создали в России ад еще хуже, ибо любили "ваять топором по живому".

Идеологическое мышление и идеологическая деятельность в России на протяжении трех веков характеризовались динамичной переменчивостью полюсов. Рай или адская бездна существовали в утопиях и антиутопиях, в официальной и еретической культуре, в славянофильстве и западничестве, в народничестве и марксизме. Понятно, что при этом ад всегда находился на "их" стороне, а рай - неизменно на "нашей".

Автор "Скептика" считает, что большевистский геноцид в СССР - это результат "импорта современной цивилизации-революции" (а вовсе не плод отечественной традиции). Можно даже согласиться с этим мнением, но не забывая, что западные идеи неизменно приобретали в России совершенно неожиданные обличья. Это заметил уже Достоевский, с сарказмом говоря об "идеях", которые в Европе спокойно лежат себе на улице, а после перенесения на русскую почву ложатся в основу программ эпохальных реформ. Он мог, например, иметь в виду дарвинизм в его применении к социальной сфере. Заметим, однако, что марксистская "классовая борьба" привела в России после 1917-го к результатам, диаметрально противоположным дарвиновскому "естественному отбору": человек превратился в обезьяну.

Один из героев "Скептика в аду" - проницательный юморист и глубокий мыслитель Михаил Зощенко, автор произведений, отражающих казарменный склад ума "гомо советикуса". В 1945 г. он написал рассказ для детей "Приключения обезьяны", где главная героиня оказывается стоящей выше советского человека. В 1946 г. секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Жданов в докладе "О журналах „Звезда" и „Ленинград"" выдвинул против писателя серьезнейшие политические обвинения:

"...он изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. (...) Зощенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которому дано устанавливать оценки поведения людей. [Это] понадобилось Зощенко для того, чтобы вложить в уста обезьяне гаденькую, отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей".

Кьеркегор, Шариков и Бродский

Поморский показывает, как даже в условиях подобной маразматической действительности можно было все-таки проявлять человеческое достоинство и человеческие чувства. Он не ищет ответа ни у одного из утопистов или идеологов, а обращается лишь к тем мастерам русской художественной литературы, в особенности XX века, которые своим ироническим отношением к окружавшему их аду заставляли читателей задуматься о его абсурде.

Следующие эссе в книге посвящены Пушкину, Достоевскому, Бунину, Волошину, Ремизову, Гумилеву, Ахматовой, Вагинову и Бродскому. В последней статье сборника говорится о том, как молодая Россия – благодаря таким писателям, как Венедикт Ерофеев, Людмила Петрушевская, Татьяна Толстая, Вячеслав Пьецух, а также талантливым художникам – "нонконформистам" (упомянем хотя бы Оскара Рабина) – уже в 70-е годы начала выходить за рамки советской действительности и "совкового" духа.

В этой книге переплетается множество концепций и идей, восходящих к различным сферам и эпохам. Здесь затрагиваются вопросы политики, эстетики и философии. Автор пишет о России, о "Фаусте", которого сам перевел на польский, но и о Данте, ибо тот тоже "видел ад". Эпиграф к заглавной статье сборника взят из трактата "Или – или" Кьеркегора: "Вне всякого сомнения, вершиной комизма была бы ситуация, если бы случайной личности была дана возможность задаться универсальной мыслью, что она является освободителем всего мира". Разве это не звучит как по-прежнему актуальное – к сожалению, и в Польше, и во всей Европе XXI века – предостережение перед появлением некоего "нового человека", "грядущего хама", пришествие которого предвидел Дмитрий Мережковский уже после 1905 года? И не его ли так убедительно изобразил в 1925 г. Михаил Булгаков в "Собачьем сердце"?

Поморский напоминает, что похожие "рожи" видел и Александр Блок. В 1911 г. в дневниковой записи он почти осязаемо передал нам ощущение приближающегося большевизма: "Выхожу из трамвая (пить на Царскосельском вокзале). У двери сидят – женщина, прячущая лицо в скунсовый воротник, два пожилых человека неизвестного сословия. Стоя у двери, слышу хохот, начинаю различать: „ишь... какой... верно... артис...". Зеленея от злости, оборачиваюсь и встречаю два наглых, пристальных и весело хохочущих взгляда. Пробормотав „пьяны вы, что ли?", выхожу, слышу за собой тот же беззаботный хохот. (...) Эти ужасы выются вокруг меня всю неделю – отовсюду появляется страшная рожа, точно хочет сказать: „А-а-а, ты вот какой?..”"

Иосиф Бродский – это один из тех героев книги Поморского, благодаря которым подобный "бунт масс" оказался не столь эффективным, как ожидали его инициаторы. История поэта начинается с его "ленинградского дела" 1964 года. Общественный обвинитель назвал тогда Бродского прощелыгой, тунеядцем, мокрицей и трутнем, который "забыл, что в нашей стране человек должен трудиться, создавать ценности: станки, хлеб". Поморский точно подмечает: "Этого дела поэт может и „не помнить", как он сам утверждает, но это не умаляет его значения для развития личности Бродского. Вероятно, само это развитие вытеснило это „дело" из его памяти: у Бродского поразительно здоровая психика, без злопамятства. Если бы он остановился на том „деле", неустанно „помнил" его на протяжении четверти века – то не было бы Поэта".

Слишком плотная форма

"Скептик в аду" – это заново составленный сборник эссе и статей, многие из которых уже публиковались в польских изданиях переводов русских писателей – героев этой книги. Тот, кто читал переводы Поморского, превосходные, как их оригиналы: Гумилева, Вагинова, Лившица, Волошина, Шаламова, обериутов, Достоевского, – знает, что это особое пространство, требующее специального описания. У Поморского есть и свой собственный исследовательский стиль – по его выражению, "неакадемический", но от этого отнюдь не более простой или легкий для восприятия. Однако, если читатель сумеет пробиться через эту оболочку, то прикоснется к мыслям глубоким и оригинальным. Каждый текст заслуживает тщательного прочтения и размышления. У Бунина, как пишет Поморский, был "хищный глаз", то есть "жестокая резкость детальнейшего видения своего места в

жизни и самой жизни в ее природной, чувственной форме". Будучи "феноменалистом", он существовал "в сфере натуры, а не культуры". Именно поэтому человек XX столетия, прошедший все круги исторического ада, видит "слабость бунинской философии искусства и философии человека".

Проницательное эссе о Максимилиане Волошине, который "при виде накрытого стола был готов прервать любой, даже самый горячий метафизический спор", заканчивается трагическим, но прекрасным эпилогом: "В августе 1932 года астма с осложнениями (воспаление легких) принесла этому жизнелюбивому человеку желанную смерть. Ему было пятьдесят, но он выглядел глубоким стариком. С чудом граничит тот факт, что вторая жена поэта, Мария Волошина (1887-1976), беззаветно преданная памяти мужа, сумела в самые страшные годы сталинского террора и войны сохранить дом и бесценный архив. До последних дней она оставалась смотрителем музея, созданного в Доме Поэта".

Ровесником Волошина был Алексей Ремизов, автор книги "Взвихренная Русь" (1927), который эмигрировал из России и прожил во Франции до своей смерти в 1957 году. Прозу Ремизова нужно читать вслух, утверждал со знанием дела Юзеф Чапский, ибо только так можно сохранить ее звучание и ритм фразы. Чапский говорил, что "достаточно лишь немного окунуться в этот мир", чтобы "почувствовать звуковое убожество собственных слов... опошление языка гладкими, истертыми, уже тысячи раз бессмысленно повторенными оборотами". Используя "сказ", то есть разговорный, а иногда даже плебейский язык, Ремизов усиливает эффект "отстранения" и подчеркивает принципиально различное видение мира рассказчиком и самим автором.

Следующий герой книги Поморского – Евгений Замятин, показанный как "вечный инакомыслящий", обращавший острие своей иронии против бесчеловечной идеологии рубежа XIX и XX веков. В антиутопии "Мы" он изобразил картину сбывшегося тоталитарного апокалипсиса, основанного на культе цивилизации, вытравляющем естественные порывы человека, а также на управляемом сверху коллективизме, подавляющем свободу личности.

Но самым новаторским представляется обширный текст об Ахматовой, где ее раннее творчество рассматривается в контексте будущих трагических событий, через призму зрелых произведений поэтессы – "Поэмы без героя" и драмы "Энума Элиш" ("Когда наверху"). В 1924 г. она сама писала о "дантовском" характере своей Музы:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске (...)
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: "Ты ль Данту диктовала
Страницы „Ада“?" Отвечает: "Я".

В эссе "Гумилев и сорочестъ"* Поморский смело сопоставляет отца акмеизма в России и философа Эдмунда Гуссерля. Впрочем, обо всех русских акмеистах он безапелляционно утверждает, что они в своем творчестве были близкими феноменологии, то есть "эйдетическими"**. В их поэзии сущность всегда довлела над импрессионистским восприятием явлений и над психикой персонажей и лирического героя.

Тот же и не тот же я шел через дубраву,
Изумляясь, что муза моя, Мнемозина,
Хранит неослабевшим мое изумленье.
Сорока затрещала, и я сказал: сорочестъ,
Что есть сорочестъ? Ведь в сорочье сердце,
В ноздрю над клювом, и в тайну полета,
Взрывающего вверх при каждом сниженьи,
Я никогда не вникну – она непостижима.
Но если сорочести нет в природе,
То и моя человечность не существует.
Кто бы мог подумать, что так, через столетья,
Я возвращусь к спору об универсалиях.

(Перевод А.Бондарева)

Но позволительно ли использовать столь абстрактные термины для описания чудесных в своей конкретности стихотворений Ахматовой и Мандельштама? Ведь для них был важен вовсе не абстрактный "смысл жизни", не трансцендентные и отдаленные от человека идеи и формы, но сама жизнь –

прекрасная, чувственная и добрая. Вот строки совсем еще юного Осипа Мандельштама:

Дано мне тело – что мне делать с ним,

Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить

Кого, скажите, мне благодарить?

Это правда, что акмеизм в России был, по словам того же Мандельштама, проявлением "тоски по мировой культуре", но именно эта культура сумела в наше время понять человека в сфере его как духовной, так и плотской природы. А в эту последнюю никакая феноменология, особенно Гуссерлевская, никогда не проникнет.

Я не согласен с утверждением Поморского, что "акмеизм – это поэзия сущности, а не существования". Мне кажется, что дело обстоит как раз наоборот: у Мандельштама, да и у Ахматовой, к Богу, к символу мы приходим через конкретную личность и через "эту вещь". Если Ахматова пишет: "Сжала руки под черной вуалью", то мы видим конкретную руку и вуаль, а не идею. Евгений Рейн сказал: "Акмеисты дали нам более реальную и конкретную форму. Для них роза была розой, а не духовным цветком. Текст можно подавать только через конкретные вещи, те, которые нас окружают. стакан – это в первую очередь стакан, а уже затем – символ вместимости".

Но в этой книге говорится не только о вещах, имеющих принципиальное значение. Любопытный и всегда хорошо осведомленный, автор также не прочь приоткрыть завесу тайны в вещах гораздо менее существенных, но от этого не менее важных. Например, польские читатели узнают от Поморского – который ссылается на интервью Адама Михника с сэром Исайей Берлином, – что знаменитая ночь, которую провели вместе английский философ с Ахматовой, так и не стала романтической... Можно наконец вздохнуть с облегчением.

И ада не будет уже

С отдельными тезисами Поморского наверняка будут не согласны специалисты по тем или иным авторам. Но они никогда не должны забывать, что в текстах "Скептика в аду" непоколебимо господствует принцип, сформулированный Джордано Бруно: "Se non è vero, è ben trovato" ("Если и не правда, то славно придумано").

Выскажу лишь одно сомнение. Автор внес в свои уже ранее опубликованные статьи некоторое количество добавлений, носящих "инфернальный" или "скептический" характер. Не слишком ли их много? Сколько русских – друзей Поморского, которых он переводил на польский, – согласились бы сегодня с тезисом, что их молодость прошла в "аду", а единственным спасением для них был "скептицизм"? Или что вся история России от Ивана Грозного до 1991 года – это некое "инфернальное пространство-время"? Ведь одно дело – бездна Колымы, из которой сумел вырваться живым Шаламов, и совсем другое – несмотря ни на что! – Россия Николая I, не говоря уже о периоде брежневского "застоя".

Так или иначе, но империя отошла в небытие. Тот ад уже не существует, однако скептики могут еще пригодиться и России, и Польше. Хотя бы для того, чтобы сегодня не начала господствовать – выражаясь словами автора – какая-нибудь "полулуюмпенская богема тусовщиков-недоучек". Но, в конце концов, зачем-то у нас есть Ахматова, Мандельштам и Бродский, зачем-то русские переводят Милоша, Шимборскую и Ружеви́ча, а Адам Поморский – "Братьев Карамазовых"?

В Варшаву и Краков вновь охотно приезжают представители старшего и молодого поколения писателей России: Андрей Битов, Асар Эппель, Вячеслав Пьецух, Владимир Салимон, Макс Амелин, Антон Уткин. Некоторые из них – как Андрей Битов, автор "Пушкинского дома", – приехали к нам в мае 2004 г. после тридцатилетнего перерыва, другие приехали в первый раз – но не в последний.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Давно уже идут дискуссии о соотношении между высокой культурой и тем, что называют культурой «массовой». В последнее время они обострились в связи с нашествием «постмодернизма», который свергает авторитеты, элиминирует «великие повествования», устраняет понятие центра и — волей-неволей — подвергает сомнению существование иерархии, в том числе, а может быть прежде всего, в искусстве. В последнем номер журнала «Res Publica» (2004, №3) вышел блок статей, посвященных этому вопросу. В редакционном введении говорится:

«Своим названием высокая культура обязана соотношением с низким и заурядным. Она выигрывает на этом контрасте, но такое соседство ее смущает, поэтому она старается доказать свою самодостаточность. Мы пытаемся показать массовую культуру без презрения, с интересом, одновременно стараясь не флиртовать с ней. Мы признаём ее частью нашей современности, общей всем нам, как воздух».

Ну что ж, тем, у кого короткая память, стоило бы припомнить, как делал это в свое время Бахтин, что существует карнавальная стихия, которая существовала намного раньше, чем «наша современность» — дело старо, как мир. И все-таки стоит приглядеться к рассуждениям на эту тему, которые появляются в период отпусков 2004 года.

Агата Белик-Робсон в статье «Народная культура современного человека» пишет:

«Я с недоверием отношусь к терминам “низкая культура” и “поп-культура”. У меня такое впечатление, что эти термины создали люди, которые готовы приписать себе принадлежность к Элитарной, Высокой и Изысканной Культуре, то есть, попросту говоря, снобы. (...) Вне зависимости от политических пристрастий — прогрессивных или реакционных, — Европа до боли элитарна: как только ставится вопрос об эстетике, Ортега-и-Гассет и Теодор Адорно тут же подают друг другу руки. (...) Однако похоже, что невозможно увлечься современностью, одновременно кривясь при виде массовой культуры. Это своего рода ложная вера, довольно типичная для европейцев, за

высоким стилем и снобизмом которых всегда как будто таится антимодернизм (...). Среди европейских высоколобых modernitas не пользуется большим признанием, а если и возбуждает интерес, то всегда амбивалентный — хотя бы как у Бодлера, которого влекло и в то же время отталкивало хаотическое, лихорадочное, торговое движение парижских аркад. (...) Ханна Арендт, Мартин Хайдеггер, У.Б.Йетс — можно было бы до бесконечности перечислять европейских высоколобых, антимодернистские неприязни которых в конечном счете породили картину полного, апокалиптического катастрофизма. (...) В плачах катастрофистов появляется отчетливая нота опасности: современность являет свою ужасающую сторону, ибо вместе с ней появляется новая культура, которая грозит упадком старой культуры, то есть — как легко догадаться — культуры вообще. Новый человек (...) разрушает иерархию, построенную на неравенстве аффектов и потребностей, на идеальном образе духовной аристократии. При этом рушится типично модернистский стиль повествования, в котором первенствовали Флобер и Пруст».

Белик-Робсон отыскивает истоки этого явления в елизаветинской Англии:

«Первый лишенный корней пролетариат и его первая сцена, лондонский театр Марло и Шекспира “Глобус” — вот истинное начало массовой культуры, народной культуры человека Нового времени. Начало нового универсализма, основанного не на абстрактной возвышенной гуманистической идее, а на приведении к заурядному и массовому, к всеобщности, черпающей из самых низких и самых надежных общих знаменателей, выравнивающей и отменяющей различия перед лицом той самой ультрадемократической силы современности, которая лишает корней, улетучивает и освобождает вне зависимости от социального характера и происхождения. Все постоянное испаряется, все святое подвергается профанации. Ни тебе дворянина, ни мужика. В культуре все оказываются наравне. (...) высокая культура после Шекспира, сознавая то разделение, которое ее породило, будет отныне поддерживать этот исходный антагонизм. Стирая присутствовавший в ней с незапамятных времен универсальный элемент, она характерным образом пригнетет слово “массовый”, наделив его ограниченным значением, отсылающим к восприятию массовому как неизысканному. Позднее положение пытался изменить романтизм, со страстью погружаясь во все низкое, чтобы сохранить его в высокой поэтической форме. Превыше всего он жаждал возврата к Шекспиру».

Просто не удержаться, чтобы не вспомнить еще одну попытку — утопию «социалистической культуры», появляющуюся в программных высказываниях авангардистов XX века с их картиной массовой культуры нового типа. Ибо, как писал в Польше в начале прошлого века Станислав Бжозовский, «только пролетариату нужна современная культура (...), только он ничего в этой культуре не страшится». Между тем автор статьи пишет:

«В Америке дела выглядят несколько иначе. Массовая культура возникает там почти немедленно как символическое эсперанто, способствующее взаимопониманию между народами, ведущими происхождение от различных местных культур. И тут главную роль играет лишение корней, обнажающее голую и простую суть человека как такового, его элементарные чаяния и страсти, — однако здесь эта роль куда более явно позитивна, не перегружена такой головокружительной амбивалентностью, как в Англии. Английский опыт лишения корней, хоть и освобождающий, тем не менее связан с утратой (...) Для нового народа Америки лишение корней означает попросту освобождение».

В этой элегантной конструкции, конечно, нет и мысли принять во внимание довольно специфическое «освобождение», ставшее участием коренного населения колонизованного континента, но, когда рассуждаешь на таком уровне абстракции, это не имеет особого значения; а такая мелочь, что она «свободолюбивая и анархическая культура» возникла на руинах раздавленных ею цивилизаций, не заслуживает внимания. Для Белик-Робсон существенно сконструировать эти две модели: радостную, пионерскую модель американской массовой культуры и отмеченную «головокружительной амбивалентностью» европейскую модель. В которой к тому же вроде бы наблюдается застой:

«Ancien régime высокого стиля лишь изредка потрясается веянием подлинной анархии, и по сути дела все остаются там, где были и раньше. Даже те европейские интеллектуалы, что более других благорасположены к эмансипирующим устремлениям Нового времени, обладают настолько разделенным восприятием, что не в состоянии усмотреть в массовой культуре ее подлинный потенциал свободы. Особенно любопытный пример представляет Адорно, гротескные филиппики которого против массовой культуры должны стать незабываемой поддержкой каждому европейскому высоколобому. (...) Адорно насмехается над популярной культурой американского self made man'a, неумоимо

разоблачая ее до глубины буржуазную наивность. И опять-таки с упорством, достойным лучшего применения, он противопоставляет ее своим высоким модернистским ностальгиям, как бы не помня того, что Европа со всем ее катастрофизмом и несвоевременным чувством трагедии погрузилась в пароксизм великого отвержения современности. Видя действительно современную культуру, он, человек, который всю жизнь мечтал об идеальной современности, отвергает ее с той же самой неприязнью, что и те, чьи катастрофические иеремиады укрепили антимодернистские позиции и проложили путь фашизму (...). Адорно слеп к творящейся на его глазах очевидности — хотя бы к тому, что высмеиваемая им массовая культура относительно свободна от антисемитских предрассудков, каких полно в “эллинистической”, от природы недоброжелательной к “гебраизму” высокой культуре Европы».

Уф-ф-ф! По крайней мере какой-то реальный прогресс автору удалось показать: эта «относительная свобода» (надолго ли?) массовой культуры от антисемитизма в сравнении с пропитанной антисемитизмом (по Белик-Робсон) высокой культурой должна стать достойной ценой за принятие господства примитивизма. Лично от меня большое спасибо. И тем большее, что меня не увлекает картина будущего, рисуемая в статье:

«Конечно, лучше всего было бы раз и навсегда сбежать с планеты Адорно и свободно пользоваться обеими культурами вместе — например устраивать милые посиделки за пивом с разговорами о поэзии Стефана Малларме, прислушиваясь — на фоне — к экспериментальным звучаниям Зигги Стардаста. Или читать Блейка под “Верв”, а если кто предпочитает — Гельдерлина под Рамштайна. Может быть, из этого плавильного котла влияний, которым подверглись наши младшие, пост-адорнианские поколения, выйдет какой-то живительный сплав, который повторит успех шекспировского смешения?»

Зачем, однако, музыку оставлять на фоне? Уже если да, то да — пустить Стардаста на полную катушку. Только с кем поговорить обо всех этих Малларме?

Шутки шутками, а проблема действительно существует. Все чаще звучат голоса, выступающие за равноценность высокой и популярной, или массовой культуры. На это обращает внимание в фельетоне «Путаница, или Оглупелое слушанье» прекрасный, хотя и спорный, музыкальный критик Анджей Хлопецкий на страницах «Газеты wyborчей» (2004, №174):

«“Его место в культуре XX века — рядом с Беккетом и Стравинским, Элиотом и Матиссом”. Подобное мнение сообщил — но не как свое — Ежи Ярневич [переводчик англо-американской поэзии, автор статей о ней], публикуя текст “Канонизация Боба Дилана”. Он пишет, что такие суждения раздаются в кругах интеллектуальных элит (да и кого же, честно говоря, кроме элиты могут волновать эти четыре имени, поставленные рядом с Диланом?). Автор ставит такой диагноз: “Поколение, котороеросло вместе с Диланом, заняло место прежнего истеблишмента, и сегодня оно раздает звания и почести, проводя перетасовку в культурных иерархиях. Похоже, что это канонизация не столько самого Дилана, сколько представляемого им искусства”. Диагноз заслуживает того, чтобы его обдумать и продолжить. Я пошел бы дальше: это канонизация самого этого поколения, его юношеских пристрастий и вкусов, лелеемых по сей день. Так странно складывается, что в кругу моих юношеских пристрастий были и Дилан, и Битлы, и у меня нет оснований и сегодня пересматривать эти вкусы. (...) Но в то же время так странно складывается, что в этом моем кругу “альтернативных пристрастий” была новая музыка со Стравинским на пьедестале. Эта любовь жива и по сей день, но все время пересматривается, преобразуется, некоторые этапы творчества или отдельные сочинения Стравинского на карте моего слушания обогащаются, насчет других я испытываю больше сомнений, чем когда-то. Если Дилан в середине 60-х восхищал меня своим зонгами, если календарно я принадлежу к тому же поколению, которое его сегодня “канонизирует”, то почему я противлюсь тому, что барда с гитарой и прицепленной на стояке губной гармоникой ставят в один ряд с автором “Весны священной” (...)? Потому что такие восторги, помещенные в одно пространство оценок и описания, столь же фальшивы, безосновательны и безуспешны, как втискивание в одну и ту же категорию разных вещей — зодчества готических соборов и урбанистических решений торгово-развлекательных центров, станковой живописи и поэтики политического плаката, вкуса венского пшеницеля и вкуса фисташкового мороженого. Художественные круги Голландии, крайне альтернативные в отношении утвержденных академическими кругами критериев оценки, и те забурлили, когда в 2000 г. бюллетень ежегодного Голландского фестиваля провозгласил Фрэнка Заппу “одним из самых выдающихся и особенно влияющих на музыку композиторов XX столетия”. Конфуза добавил в ходе фестиваля еженедельник “Сосайти”, молниеносно проведя по этому вопросу анкету среди композиторов, дирижеров, критиков. И вот что отвечает знаменитый дирижер (Рикардо Шайи): “Заппу можно сравнить с Малером, Стравинским,

Варезом и Бартоком, так как ему несомненно причитается уважение” (вот это называется политкорректность: уважение как аксиологическая категория в искусстве!..)»

Прибавим к этому дискуссию, которую вызвало выступление исполнителей музыки хип-хоп перед папой Иоанном Павлом II: не означает ли это санкционирование хип-хопа как музыки, достойной высокохудожественных салонов? Нет, не означает. Не представляет «шекспировского смещения», которое внесет новые импульсы в искусство, и телевизионный клип, рекламирующий пиво под музыку Шопена. Верно замечает Хлопецкий и то, что ди-джеи, представляющие поп-музыку, «пробираются в прихожие некоторых ночных программ достопочтенной II программы Польского радио, через черный ход пытаются пролезть на фестиваль “Варшавская осень”», пропагандирующий новые направления развития музыки, которую принято называть серьезной. Не удивляюсь я и тогда, когда читаю в статье Бартоша Курца в последнем номере вроцлавской «Одры» (2004, №7-8):

«Серьезная критика заинтересовалась комиксом в 60 е годы, в эпоху поп-арта, который эту эстетику буквально использовал; в частности Уорхол, Лихтенштейн, Рамос вводили героев комиксов и соответствующую манеру рисунка в галереи и музеи. Закрывать двери, однажды выломанные, уже не удалось. Массовую культуру начали рассматривать как форму искусства».

Ну что ж... Когда-то я ехал в метро в Мехико и заметил, что почти все пассажиры читают. Меня поразило, однако, что страницы они переворачивали с необычайной быстротой. Когда я лучше присмотрелся к этим книгам, оказалось, что почти все они без исключения были комиксами. Но из этого не следует, что их читатели пойдут в музей на выставку работ Лихтенштейна или Уорхола. Так же, как рэперы или хип-хоповцы вряд ли возьмутся за новый сборник стихов Болеслава Таборского, который в своей поэтике использует их приемы. Искусство давно открыто ко всему, но это не означает, что все есть искусство.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Бесценную коллекцию документов, касающихся прежде всего периода II Мировой войны, передали вроцлавской библиотеке «Оссолинеум» Владислав и Зофья Бартошевские. «Я собираю [печатные издания] уже по крайней мере 70 лет. Моя коллекция книг сгорела во время осады Варшавы, и мне пришлось начинать все заново. Тогда я решил собирать свидетельства общественной жизни, — рассказывает Владислав Бартошевский. — Я выходил из дому после комендантского часа и перочинным ножиком вырезал объявления оккупационных властей. Газеты и листовки я прятал в тайники. От этой дурной привычки я не смог избавиться, даже сражаясь в Варшавском восстании. Когда немцы сожгли город, они снова уничтожили большую часть моей коллекции, однако несколько тайников сохранилось, так что после войны я начинал не с нуля».

• В Кракове, в старинном еврейском квартале Казимеже, прошел XIV Фестиваль еврейской культуры. Это одно из самых масштабных мероприятий, проводимых в городе, и один из нескольких фестивалей такого рода, известных во всем мире. На этот раз организаторы включили в программу особенно много образовательных мероприятий — встреч, мастер-классов и лекций. Однако основой фестиваля продолжает оставаться музыка. О ней говорит Леопольд Козловский, называемый последним клезмером Галиции: «Без клезмеров не обходился ни один еврейский праздник (...) Клезмер не столько играет, сколько рассказывает о судьбах своего народа». Фестиваль известен большим разнообразием программы. Его инициатор и многолетний организатор Януш Макух говорит: «Очень трудно однозначно ответить на вопрос, что подлинно, а что нет. Подлинность не поддается определению, это надо просто слышать». А Майкл Альперт, инициатор возрождения еврейской музыки в США и музыкальный консультант фестиваля, добавляет: «В каком-то смысле все мы имитаторы. Единственный подлинный исполнитель клезмерской музыки — это Леопольд Козловский, который родился и воспитывался в мире довоенных галицийских евреев. Он один из последних, у кого эта культура в крови. Но, с другой стороны, (...) естественное развитие ашкеназийских евреев было жестоко

прервано. Мы решили возродить [эту культуру]. Для меня критерий подлинности — не происхождение, а желание познать и понять этот мир». В этом году заключительный концерт на Широкой улице, привлёкший полтора десятка тысяч человек, транслировался на специально установленном большом экране в Париже, где как раз проходили дни краковского фестиваля.

- Замойские встречи культур дают возможность вспомнить историю и искусство народов, благодаря которым сегодня Замость внесена в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО как жемчужина архитектуры. «Мы хотим показать многокультурную Замость, — говорит организатор встреч Марек Колцон. — Начиная с XVI века здесь жили итальянцы, армяне, немцы, греки, русины, шотландцы и евреи. Этих людей уже нет, но остались названия улиц, дома, храмы. Мы хотим напомнить об этом».

- «Новые нью-йоркцы и их друзья» — так назвали презентацию своего творчества в Польше представители чуть ли не всех областей искусства, на протяжении последних 50 лет переехавшие из Польши в Нью-Йорк. Их было много: художники, фотографы, музыканты, литераторы. Их привлекла легенда этого города — горнила рас и культур. Они приземлялись в метрополии, чтобы попробовать свои силы на самом конкурентном и агрессивном в мире рынке искусства. Летом этого года они представили свое искусство на большом культурном фестивале в Варшаве, одним из организаторов которого стало посольство США в Польше. Американский культурный атташе Эндрю Косс сказал: «Фестиваль станет свидетельством истинно американского феномена: можно иммигрировать в США, но продолжать любить свою страну и поддерживать связь как с американской, так и со своей родной культурой». В рамках фестиваля варшавяне смогли посетить около 70 мероприятий — выставки живописи, скульптуры, графики, фотографии, архитектурных проектов, а также концерты, спектакли и киносеансы. Они смогли увидеть картины Анджея Дудзинского, Витольда Качановского, Даниэля Горовица и фотографии его отца — знаменитого Рышарда Горовица. С концертами выступили Уршуля Дудзяк, Михал Урбаняк и замечательный клезмер Дэвид Кракауэр. Прошла выставка архитектурных проектов Даниэля Либескинда, на которой, в частности, были представлены проекты новой застройки на месте разрушенных 11 сентября 2001 года башен ВТЦ. Событием стала премьера спектакля «Замарашка», поставленного по пьесе Януша Гловацкого (автора «Четвертой сестры»), который находится в постоянных разъездах между

Нью-Йорком и Варшавой. «Сегодня миром правят СМИ, — сказал Януш Гловацкий. — Они говорят правду или лгут, формируют нас, а если кто-то хочет им противостоять — уничтожают. Об этом и рассказывает „Замарашка”». Добавим, что пьеса была написана в конце 70-х и после введения в Польше военного положения воспринималась как метафора порабощения.

• «Театральный фестиваль в нетеатральных местах» — так определяют свой замысел организаторы Международного театрального фестиваля «Мальта», который в этом году прошел уже в 14-й раз. Познанскими площадями, парками, улицами и заброшенными заводскими цехами на несколько дней завладели артисты из многих стран мира. Как гласила реклама, в рамках фестиваля ежедневно шло 40 спектаклей, и ни на одном из них не было недостатка в зрителях. «Шел дождь, дул ветер, нужно было платить за билеты и искать спектакли в странных местах. Зрители мокли, мерзли, платили и искали. Наконец после уличного празднества с фейерверками пришло время вернуться в театр, хоть это и не всем понравилось», — написала рецензентка «Газеты выборчей» Эва Обрембовская-Пясецкая. «Мы приезжаем сюда за небольшие деньги, — сказал Валерий Минаев, один из руководителей петербургской группы «Лицедеи», — потому что здесь на первом месте художественные проблемы. Этот фестиваль растет, так как он прислушивается к новым веяниям, а другие, задержавшиеся на уровне уличных шоу, хиреют и умирают». «ОФФ ей», единственная премия фестиваля, была присуждена щецинской группе «Подземелье при крипте замка Поморских» за спектакль «Кислород» по пьесе Ивана Вырыпаева. «Это не значит, что мы полностью отворачиваемся от массового зрителя, — сказал директор фестиваля Михал Мерчинский. — Для него было зрелище, организованное по случаю открытия моста Роха, а также оркестр „Баобаб” из Сенегала и вся „Мальта-офф” — небольшие спектакли, шедшие на Рыночной площади каждые полчаса».

• Крупным событием стала премьера нового спектакля Кристиана Люпы «Заратустра», состоявшаяся в рамках Афинского фестиваля в античном Одеоне Герода Аттика на склоне Акрополя. Герой представления — Фридрих Ницше, а материалом послужили его произведения и фрагменты трилогии «Ницше» Эйнара Шлеефа. «Нам годами твердили, что в сегодняшнем мире трагедия невозможна, ибо нет основы, на которую она могла бы опереться, — написал из Афин Марек Микос. — Люпа это опровергает: взяв тексты и биографию человека, провозгласившего смерть Бога, он

находит всю драму существования в каждом человеке и создает из этого театр масштаба Эсхила и Софокла». Постановка была осуществлена в краковском Старом театре.

- В цехе Гданьской судовой верфи — месте, где родилась «Солидарность», — теперь играют шекспировского «Гамлета» в постановке молодого режиссера Яна Кляты. Спектакль был признан театральным событием. О том, какой ему придается смысл, свидетельствует заголовок напечатанной в газете «Жечпосполита» рецензии Яцека Цесляка «Траурная лента для панны „С“». В восприятии многих зрителей эта панна «С» — погибшая «Солидарность», в данном случае охотно отождествляемая с трагически погибшей невинной Офелией. Спектакль поставлен в гданьском театре «Выбжеже».

- Год Гомбровича в полном разгаре. Театры ставят его пьесы, выставки освещают факты из его биографии, по пирсу в Мендзыздрое во время проходившего там Фестиваля звезд прохаживались четверо переодетых в писателя актеров, а на пляже возле пирса в Гдыне состоялось 24 часовое чтение его произведений. В Витулине, родной деревне писателя, открылся музей Гомбровича. Кроме того оргкомитет Года Гомбровича совместно с «Газетой выборчей» объявил конкурс на лучшее эссе, тема которого сформулирована следующим образом: «Польский дух — ценность или балласт? Должны ли мы изживать свои национальные комплексы или жить с ними, потому что без них мы не будем поляками?»

- В предисловии к новой книге Ежи Помяновского «К востоку от Запада» Леопольд Унгер пишет: «Помяновский — один из немногочисленных (...) популяризаторов и защитников политической идеи (...) которая в упрощенном изложении сводится к „восточной политике“ и представлению о месте Польши в мире, изложенному Ежи Гедройцем и авторами „Культуры“». В рецензии на эту же книгу Кшиштоф Маслонь утверждает: «Гораздо существеннее (...) рациональная, весьма критическая оценка польской восточной политики, гораздо важнее то, что автор упорно возвращается к катынскому вопросу — все еще основополагающему в контактах с нашим восточным соседом; гораздо важнее объяснить полякам Россию и те ее проблемы, которые еще Пушкин называл „проклятыми“».

- Станислав Лем, писатель и философ, стал членом Немецкой академии искусств. Лем часто высказывается на актуальные темы. В апреле он писал в газете «Жечпосполита»: «Ничто нас не спасет, кроме спокойных действий, ориентированных на лучшие мировые и польские образцы. Ибо хорошо

организованное общество может выдержать самых глупых и слабых властителей, если только они не впадут в безумие агрессии или экспансии».

- Прошло 25 лет со времени самоубийства Эдварда Стахуры — писателя, который в годы поздней ПНР был кумиром бунтующей молодежи. «В своих произведениях он создавал нового героя, в чьем францисканском отношении к жизни и вечном восхищении миром можно было легко разглядеть сходство с идеалами поколения битников», — пишет критик. Стахура был также автором романтических песен, которые он исполнял под гитару. После смерти он почти мгновенно сделался любимцем толпы. В места, связанные с его жизнью, стекалась молодежь со всей Польши. Начали множиться фестивали, посвященные его творчеству (Стахуриады), а переиздаваемые книги мгновенно раскупались.

- В списке бестселлеров на первом месте вновь роман Иоанны Хмелевской — на этот раз «Кошачьи мешки». На второе место вырвалась новая книга Марии Нуровской «Мой друг предатель» — написанный в форме беседы с героем роман о Рышарде Куклинском. Куклинский, герой самого громкого шпионского скандала времен ПНР, передал американцам информацию о планах введения в Польше военного положения. Он умер в США в феврале этого года, незадолго до намеченного переезда в Польшу. На его похороны на варшавское кладбище Повонзки пришли толпы народу. Одни считают его предателем, другие героем. Как бы то ни было, его личность вызывает необычайный интерес. Следующие места занимают романы Катажины Грохоли, Малгожаты Мусерович и Мануэлы Гретковской. В категории документальной литературы наибольшим спросом пользуется книга Иоанна Павла II «Встаньте, пойдем!» и две книги выдающегося философа Лешека Колаковского — «Мини-лекции о макси-проблемах» и «О чем спрашивают нас философы?».

- В Гданьском историческом музее прошла крупная выставка, посвященная роли этого города в истории Польши и Европы. «Выставка, — говорит директор музея Адам Коперкевич, — показывает значение и место Гданьска в культуре и политике Речи Посполитой, а также — поскольку Польша была европейской державой — Европы (...) Многие экспонаты прибыли к нам из других музеев. Особую ценность представляет редко вывозимая за границу коллекция золотых изделий из кремлевского музея. Это дары польских королей русским царям, изготовленные гданьскими ювелирами». Выставка состоит из нескольких тематических частей:

«Триумф королей», «Посмертная слава королей», «Миф Гданьска в XIX веке», «Политика — дипломатия — война» и «Слава католической Церкви».

- В белостокской галерее «Арсенал» прошла выставка «Малевич в Польше», на которой были представлены работы современных польских художников, возникшие под влиянием картины Казимира Малевича «Черный квадрат». «Идея выставки ясна, — написала в газете «Жечпосполита» Моника Малковская. — Черный квадрат стал синонимом величайшего переворота в искусстве, последствия которого ощутимы до сих пор».

- В варшавском Национальном музее были выставлены картины Витольда Войткевича, художника, умершего в 1909 г., которого Дорота Ярецкая называет «величайшим художником „Молодой Польши“ — самым жестоким и ироничным». Далее Ярецкая пишет: «Иногда непонятно, как относиться к его картинам: иллюстрации это или уже живопись? Воспринимать их как злободневные или универсальные? У меня такое впечатление, что именно в этом и состоит исключительность его живописи — в смешении кодов и введении хаоса в знакомые нам понятия».

- В залах мальборкского замка прошла выставка гобеленов из собрания петербургского Эрмитажа. Гобелены, редко выставляемые за пределами России, в свое время были изготовлены на лучших европейских мануфактурах. Мальборкская выставка — одна из крупнейших в мире за последние годы. «Суровые залы мальборкского замка — прекрасный фон для этой экспозиции», — пишет рецензент.

- В Кракове, а затем и в Варшаве прошла Ночь музеев. В эту ночь каждый мог бесплатно посетить крупнейшие и известнейшие музеи Польши. Курсировавшие в Варшаве автобусы с трудом вмещали всех желающих, а музеи и картинные галереи просто ломились от публики. Ночь музеев продолжалась с 19 часов до полуночи. И хотя эта идея не нова, в Польше она привилась исключительно удачно.

- В этом году Мазовецкий центр культуры и искусства уже в третий раз организовал летний фестиваль «Шопениана». Организаторы сделали ставку скорее на необычный репертуар и форму, нежели на всемирно известных исполнителей. Шопена исполняли «в камерном и оркестровом, джазовом и народном, и даже в оперном варианте, хотя наш национальный композитор не написал ни одной оперы (в программу концерта „Оперы Фридерика Шопена“ вошли арии и дуэты из любимых

произведений композитора — от Моцарта до Доницетти), — написала Дорота Шварцман. — (...) В планы входил даже показ моды, созданной под вдохновением музыки Шопена». Большинство концертов проходило на свежем воздухе, возле памятника Шопену в варшавском парке Лазенки.

• Приграничный Тешин стал местом проведения одного из самых значительных в Польше кинофестивалей. Фестиваль носит название «Эра. Новые горизонты», продолжается 11 дней, а его сила, как пишет Павел Т. Фелис, «заключается в соединении противоречий. С одной стороны, небольшой городок с домами в стиле модерн (...) с другой — непосредственная молодая публика (...) Гутеку удалось нечто очень важное: вместо еще одного смотра фильмов он устроил настоящий праздник кино, на котором радость и удовольствие от просмотра — не пустые слова». Сам же создатель и директор фестиваля Роман Гутек говорит о своем детище так: «В Тешине я могу показать фильмы, у которых нет шансов попасть в прокат, поделиться со зрителем своими открытиями, тем, что меня восхитило или удивило. Это замечательная, молодая, восприимчивая публика, которую я немного знаю и люблю. Она элитарна, но почему бы и нет? Сюда приезжают любители кино и искусства, киноведы, люди, которые хорошо знают кино и хотят о нем поспорить (...) Я сознательно выбрал маленький город и каникулы. Мне хотелось, чтобы люди смогли отключиться от ежедневных занятий и жить только кино. Тешин — не самый маленький городок, но здесь все ближе друг другу. Кроме того здесь все дешево, даже если на время фестиваля жители немного поднимают цены». В этом году победительницей фестиваля стала французская дебютантка Элеонора Фуше, чей фильм «Вышивальщицы» завоевал главную премию. Фильм француженки — это красивый, классически снятый рассказ о зарождающейся дружбе.

• Антинобелевские премии, присуждаемые за самые абсурдные идеи, изобрели в 1991 году американцы. Теперь эту мысль подхватило краковское издательство «Знак», которое совместно с радио RMF FM присудило польские антинобелевские премии. Первую премию получила автомобильная эстакада, на которую нет въезда, построенная на пути из Вадовице в Суху-Бескидску. Вторая премия досталась государственным деятелям, создавшим печально известный в Польше Национальный фонд здравоохранения. Третье место занял полицейский из Гижицка, отправивший доверенные ему для проверки подлинности банкноты в варшавский Институт криминологии... почтовым переводом.